

Г-474

Гильгендорф.

Кругосвет.

1925г.

Г-47 Губернского. соств

СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И
ЮНОШЕСТВА

КРАУГОСВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 5

*1 кетт лист хранился
собрана отпечатанная*

Г-4

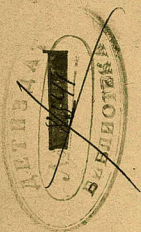
Г 474

КРУГОСВЕТ

СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ и ЮНОШЕСТВА

РАССКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ФИЗКУЛЬТУРА

СОСТАВИЛ Г. ГИЛЬГЕНДОРФ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

3390

1987-88

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГИ
ИЛГИЗА~~

668409 рег. - 015
Российская государственная
детская библиотека

Люблю читать о незнакомом:
о быстро мчащихся экспрессах,
о городах, где звуков гомон,
о первобытных дебрях леса...
Рисуют образно страницы
людей далеких стран, их быт,
тут и японец желтолицый,
и негры—черные рабы...
Читаю я про небоскребы
(на них реклам задорный танец).
про то, что способ есть особый
устроить радио в кармане...
Передо мной в просторе синем
плывут, качаясь, корабли.
и уношусь я вместе с ними
к краям неведомой земли.
Аэроплан, как птица, мчится,
Чикаго—Лондон перелет.
А вот Советская столица—
Москва—передо мной встает.
И комсомолец в серой кепке,
идуший бодро на рабфак.
А на стенах кремлевских крепких
волнуется по ветру флаг...

А. Барто

ОПАСНАЯ КРУГОСВЕТКА

I

Самара занята красными войсками. На вокзале еще идет бой. Начдив остановился в гостинице „Националь“ на Панской. Перед номером очередь: по коридору загнулаась глаголем, сползла по лестнице со второго этажа в вестибюль гостиницы, через вход—на улицу.

С жалобами, с просьбами, с криком, с бранью, со слезами. Красноармейцы, бабы, матросы, граждане, гражданки; в середку вклинились, прибежав, двое мальчишек.

— Тут живая очередь! — кричат бабы.

— Что ж вы все такие дохлые?

Разбирать некогда и некому—кто с делом, кто—зря. Если с пустяками,—начдив коротко говорит:

— Ступай вон. Следующий!

Начдив расстегнул гимнастерку—ворот и под мышками черنو от пота. Лицо серое от грязи, на щеках щетина; сапоги желтые. На столе разостлана карта. В сторонке на бумаге—краюшка черного хлеба, хвост селедки, чайник синий закопченный и недопитый стакан. Слушая очередного, начдив не поднимает от карты головы—решает тактическую задачу; карта вспотела под его пальцами.

Надо поддержать „Ермака“. Раскольников эстафетой приказал. В Жигулевских горах красный флот попал под перекрестный обстрел с правого берега и из-за Царева Кур-

гана. Пришлось отойти к Красной Горке. Прорвался за поле обстрела Волгой только Ждан на „Ермаке“ и гуляет где-то у Ширяева. Выше к Ставрополю—белый флот. Ждан—по радио.—что расстрелял снаряды, и ленты пулеметов на исходе. Требуется берегом прислать немедленно. Берегом—лесом. А лес полон белыми. И в пойме, и по горам стучат пулеметы. Берегом помощь никак нельзя подать. Зарвался Ждан!—вся пристань, хоть и жалеет, а говорит: „Горячка“!

— Ну,—спросил начдив,—кто там следующий..

— Мы к тебе, товарищ, посоветовать зашли. Вот мы с Максимом.

Начдив оторвался от карты и поднял голову. Перед столом стояли двое мальчишек—один в гимнастерке, с красной звездой на синей гимназической фуражке: веселое лицо в веснушках; с ним вместе с черными глазами, замасленный—видно, что „пароходский“...

— Что тебе, горчица, надо?—сердито спросил начдив.

— Постой ругаться. Зря только спортишь кровь. Это я, а это Максим, масленщик с „Ермака“ *).

— Ага! А ты кто?

— Я Красной армии солдат. Еланевой бригады.

* Про Максима рассказано в книжке „Красный Бакен“ (Госиздат).

— Как звать?

— Жеребец...

Начдив засмеялся.

— Ты будешь скалить зубы, я сам ржать мастер—за то и звание.

— Ладно. Ну?

— „Ермаку“ патроны надо доставить?

— Да. Как?

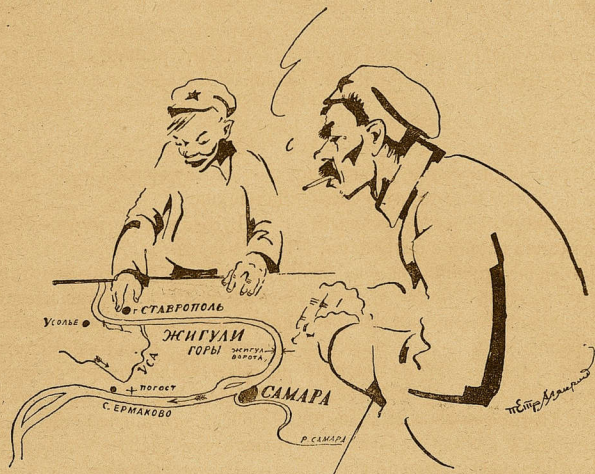
— Кругом света...

— Что?—заревел начдив.

лока. Понял? А это река Уса. А это тебе село Усолье.

Мальчишка провел по карте пальцем круг.

— Понял? Мы так в Самару капусту возили—да домой—„кругом света“. Нечем к Ставрополю вверх лямкой итти, мы все по воде вниз—всем известно: „кругосветкой“. Дай ты мне моторную лодку—грузи сколько хочешь. К завтраму доста-

— Кругосветкой, говорю.

— Пошли вон. Следующий!..

— Зря тратишь силы, товарищ: здоровье спортишь,—сказал Жеребец,—прими-ка с карты руки.

Начдив посторонился. Жеребец нагнулся к карте и, водя пальцем по карте, говорил:

— Это Ставрополь. Я ставропольский сам. Это тебе Самара. Это тебе Ермачиха: Ермакова перево-

влю. Не веришь—вот Максим. Товарища Максимку Ждан очень уважает. Верно, Максим?

— Он меня довольно знает,—ответил масленщик.

— Ты как на берегу остался? Дерзтир?

— Ну-ну, ты! Меня за маслом на склад послали—я не успел. Порядки у тебя тут! А „Ермак“ и ушел.

Масло ему да керосин нужней нечем патроны!

Начдив склонился к карте и спросил:

— Да ведь у Ермакова-то гора?

— Ну-к чтож. А мужики на что? Спокон веку разбойников ладьи тут волокли. На том стоят.

Начдив подумал, потом постучал в стену кулаком. Вбежал писарь.

— Пиши приказ. На руки. Дать с берега товарищам Жеребцу с Максимом моторную лодку. Пойдут на соединение с Жданом. Погрузить патроны для пулеметов и оружийных очередей, сколько придется.

Ехать с Жеребцом Петрову Акиму, Ладушкину и там, кто за механика. Взять винтовки. Командует лодкой и отрядом Жеребец. Сельсоветы, оказывать содействие и исполнять ревтребования Жеребца. Хлеба, сельдей, чаю, сахару, легкого табаку, махорки, карамели.—Ладушкину скажи: не медля ни секунды. А то я его взгрею. Понял?

— Есть. А где же Жеребец?

— А вот он.

— Хм!

Жеребец заржал.

— Идем, ребята,— сказал мальчишкам писарь.

II

Под Струковским садом, где пристань яхт-клуба, в моторную лодку, окрашенную в мутно-зеленый цвет, погрузили ящики с патронами, очередями для оружий, бидоны с маслом и продукты.

— Все налицо?—спросил Жеребец.—Ладушкин?

— Есть.

— Петров?

— Есть Петров.

— Моторист?

— Есть моторист—Степан.

— Максимка?

— Я.

— Крути, Степан.

— Есть—крути...

Жеребец сел к рулевому колесу. Мотор застучал. Вперед! Есть вперед. Отдай чалку. Есть.

Лодка, едва не черпая бортами воду от тяжелого груза, выбежала на стрежень, Жеребец скатал руля, и лодка, круто повернув, помчалась вниз по Волге.

— Это куда ж? Стой!—закричал Ладушкин.

— В Жигули!—ответил Жеребец и засмеялся.

Ладушкин, Петров и моторист с недоумением оглянулись на отступающие назад берега самарской пристани; и позади за лесом на горизонте сошлись гора с горой, синяя: Жигулевские Ворота.

— Ты, парень, не рехнулся? Жигули-то вон где!

— Мы туда и идем...

— Брось Ваньку строить, а то я с тебя спесь сшибу махом...

— Ну-ну, а приказ читал? Кто здесь есть командир судна?—Жеребец! Это я. Кто здесь командует отрядом? Жеребец. Это я. При сем мастичная печать и подпись; Максим, продуй наган на всякий случай.

Максим вынул из штанов револьвер и подул ему в дуло: шелуха от семечек набилась.

Ладушкин смолк.

Самара скрылась за рынком*). Справа оборвался зеленый остров, прошумел осокорьями—набежала чамра, зарыбила голубую воду. Дождь брызнул и прошел. Дыра в белой осыпи надвинулась справа крутцом.

Мотор стучит. Лодка бежит. Поднялись шапками тихоны. Обрывом прямо в воду, источенные рекой известняковые скалы. Обломки с дом каменных обвалов у самого уреза и поросли осинником и оплетены ежевикой. На камнях у воды сидят штанастые орлы. На стук мотора повернет лениво и надменно голову, взмахнет крылами, взлетит и взмоет в высоту. А там сверху под облаком кругами реют.

Над голой кручею — погост: две церкви — каменная красная и деревянная.

— Стоп мотор.

— Есть, стоп мотор.

— Вот, братцы, — сказал Жеребец, приворачивая к яру. — Это и есть вям Ермачиха. Ермак тут, идучи Волгой вверх, волочился. Дальше, гляди: церковь белеется. Переволока — там, слышь, Стенька Разин свои лодки перетаскивал в Усу. А повыше Кольцовка — тут, будто, Ермаков есаул Иван Кольцо переваливал в Усу. Поняли? — Самая наша дорога и есть.

Лодка тихо подошла к камням. Петров выпрыгнул на камни с фалинем в руке и подвел лодку бортом к каменной плите.

— Вот как будем, Ладушкин. Тут мужики на это дело со старины присноровились. Ты ступай. Я хоть Жеребец, да не сказали бы — щенок. Иди, скажи, что приказом команд-

арма Красной армии требую я, командир отряда, на берег шесть подвод, из них чтоб две с пристяжной. Чтоб в одну секунду. А то, мол, у нашего командира расправа короткая. За службу — по четверке легкого табаку на брата. Село за горой. Одна нога у тебя здесь — другая там.

— Есть, товарищ командир. Идемте, Степан, Максим...

— Максим, ты не ходи — уж больно масляный. Амбицию мне спортишь. Ладушкин с Петровым пошли в гору по крутому каменному взводу вдоль барака, заваленного по краю навозом.

— Ленивый здесь мужик, — сказал моторист, — у нас на родине навоз покупают, а тут надо бы на пашню, а он навоз в овраг валит.

— У нас, товарищ, этого не надо, — солидно ответил Жеребец, — наша земля навозу не примает; бурьян да чернобыльник одолеют. И без навозу сымаем ино по двести с десятины.

Прошло с час. С горы сначала показались ребятишки и девчонки. Они бежали с криками под гору и столпились на камнях у лодки; стояли молча и смотрели. Потом по взвозу вниз затарахтело шесть подвод — две с пристяжками.

Подводы съехали на каменный бичевник. С первой телеги сошел седой старик, надел очки и спросил:

— Кто здесь будет Жеребец?

— Я буду...

— Врешь?

Жеребец заржал.

— Истинно, Жеребец! Приказ есть?

— Читай, коль грамотный.

*) Низкий мыс, покрытый лесом.

Старик взял приказ, прочел:

— Все правильно. И печать. Ну, что прикажешь, отец командир?

— Ящики в телеги. Лодку на дроги—тройкой в гору. До Усы.

— На переволок, стало-быть?

— Да.

— Это дело нам известное. Слушай, ребята, что приказывает советская власть. Делайте.

Красноармейцы с мужиками принялись перегружать из лодки на подводки ящики. Потом мужики распрягли одну пару, загнали в воду длинные дроги, сами зашли в воду, не раздеваясь, и сноровисто посадили моторную лодку вдоль, меж слегами дрос. Вытянули тройкой на берег. Под борта подложили, чтоб не било и не стучало на камнях, рогожки.

— Трогай. А мы купаться будем.

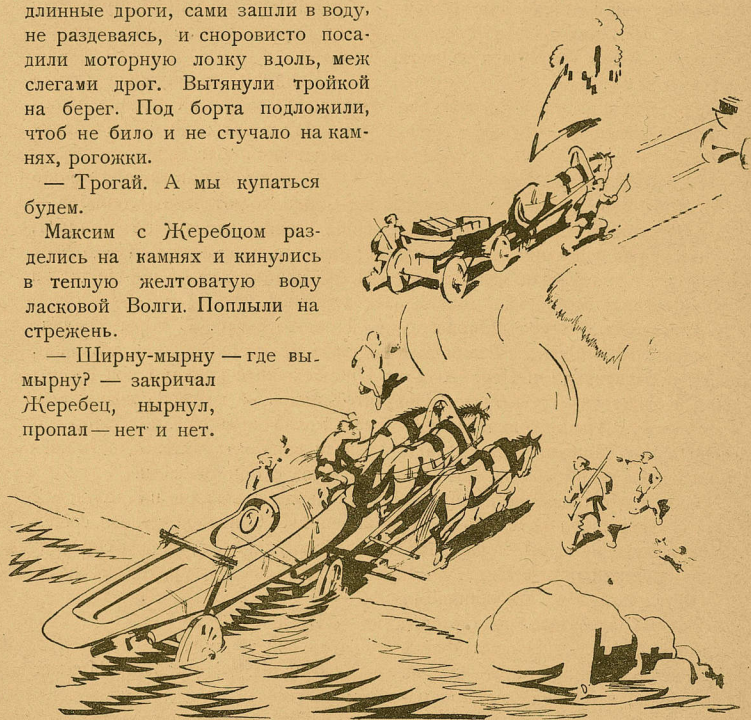
Максим с Жеребцом разделись на камнях и кинулись в теплую желтоватую воду ласковой Волги. Поплыли на стрежень.

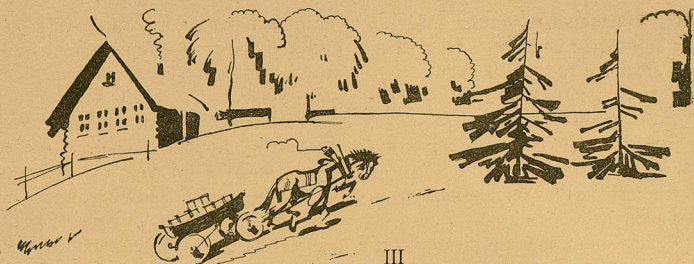
— Ширну-мырну — где вымырну? — закричал Жеребец, нырнул, пропал — нет и нет.

Максим испугался: не утонул бы? — и поплыл к берегу. Вдруг под ним вода всколыхнулась, товарищ вынырнул, оседлал Максима:

— Утоплю!

Барахтались, возились, ныряли, гоготали. Чибис над поймой жалостно плачет. Волга—пустыня, как при Ермаке. Поплыли к берегу. Встали на камнях, чтобы обдуловетерком. Склоняясь за гору, солнце обливало парней горячим светом. А свежо—и зубы стучат у обоих.

III

Обоз догнали в полугоре. Слева осталась Ермачиха. На окoliще огороженной, средь гумен, со свистом машут крыльями высокие шатровые ветрянки. У ворот — воза.

Только что купались — а жарко стало, потом облились.

По отлогой дороге за лошадыми едва поспеешь.

С высоты шихана открылась даль — влево и вправо покрыли землю шапками шиханы. На излучине Сызрань поблескивает крестами. Впереди внизу — синее бор. В долине — голубая, опушенная уремою, Уса. За бором гора Лепешка — и над лесом графская светелка.

Спустились к реке. Дроги с лодкой въехали, шурша камышем, в Усу, и лодку ссунули в реку. Сгрузили в лодку ящики и отпустили мужиков.

— Счастливого пути, товарищи. Вы того, побережней — усольские сказывали, что кольчаковы лодки ходят Волгой.

Солнце спряталось за горы, посебрав их край. От шиханов набежала тень. Вечер.

Разложенный на берегу костер к сумеркам яснее. Обедают у огонька. На сошках — чайник. Командир отряда недоволен.

— Чего же это начдив ваш? Тоже пишет приказы, ровно Троцкий: раз-раз-раз — сахару, чаю, карамели. А выходит: цикорий, вобла, куряга...

— Чем богаты, тем и рады, товарищ Жеребец.

— Ну, ладно. Собирай монатки. К темну нам надо выйти к Молодецкому Кургану.

Собрались. Стучит мотор: на компрессоре, тихим ходом — средь камышей, кудрявых тальников — то узкими извилами, то средь крутцов разливом под нависшими кустами...

— Вот тут, бывало, Стенька Разин едет, — рассказывает Жеребец, — а сибирские купцы едут с соболями. Сарынь на кичку!..

— Лодка впереди, — говорит Максим.

— Приготовь оружие, ребята. Полный ход.

— Есть полный.

— Лодка, стой! — кричит Максим.

— Какая лодка, это бударка.

На бударке двое — гребец надры-

вается в распашных, корщик подгре-
бает кормовым веслом—хотят уйти.

— Лодка стой!.. Стреляю!

Бударка в камыши. Двое в сол-
датской форме—с лодки в воду,
схватили весла и на берег в ку-
сты.

Бударка качается, брошенная средь
камышей, Жеребец командует:

— Ладушкин, сымай штаны—да-
вай сюда бударку.

Ладушкин идет бродом, зачалил
лодку, подвел и привязал.

— Вот, чай, в кустах шипят те-
двое. А достать нечем, видно. Дол-
жно-быть, дезертиры.

Сумерки. Лодка ведет на буксире
бударку. Справа нависла желтая
громада Молодецкого Кургана—
близко Волга.

— Тихий ход. Стоп,—командует
Жеребец.—Тут мужики поперек
Усы всегда сеть ставят на рыбу—
рыба-то в Волгу катится с водой.
Смотри вперед. А то запутается
вент, и невод разорвешь им—рыбу
выпустишь, так ругани не обе-
решься.. Смотри—как будут по-
плавки.

— Вижу!

Поперек розового от заката зер-
кала реки цепь поплавок из ко-
ринки.

Лодка тихо наплывает. Баграми
с обоих бортов осторожно опускают
невод и проводят под килем—цепь
поплавок всплывает тихо позади.

Ночь накрывает. Где-то в таль-
никах бухает турецким барабаном
выпь.. Кулики стрельнули над са-
мой водой.

— Теперь, ребята, забудь, что у
нас мотор. Берись за весла—клади
в укючины—чур только, не сту-
чать. Закуривай. Накуривайся. Ог-
ня вздуть не дам. Тут самое опас-
ное место! И не шиши, и ни гу-гу:
молчать!

Покурили, и лодка с тихим пле-
ском весел вышла в Волгу. Под-
хватила струя и понесла вниз по
Волге.

Жеребец правил к левому бере-
гу. Бекет как сторож-столб стоит
у выхода Усы. Насупились синие
справа горы... Течение под правым
берегом подмывает яр..

— Максим, смотри вперед.

— Есть,—тихо ответил Максим.

— Тут есть проран. Пройдем про-
раном?

— Лодка на трех четвертях си-
дит *).

— Пожалуй, не пройдем. Стой
грести. Молчи. Слышишь, Мак-
сим?

— Слышу. Мотор стучит. Снизу.
Их. Тут нашей быть не может...
Дозорное судно...

— А может прошмыгнем?

— Пускай мотор скорее,—засуе-
тился Ладушкин.

— Я те пушу! Не смей,—тихо
остановил Максим.

IV

Стук мотора слышней. Голоса. На
Волге в тихий вечер говор слышно с
берега на берег. Сейчас из-за рынка
вывернется встречное судно.

Жеребец заводит свою лодку к
берегу—под самый яр, где подмы-

*) Т. е. осадка лодки $\frac{3}{4}$ аршина—пол-
метра.

тый вековой осокорь упал вершиной в Волгу и купает ветви. Вода шумит, играя его листвою.

— Заметят — все равно! Максим, иди на руль. Я приму их на себя... Стой на месте. Держись за дерево! А потом — смотри, что делать.

— Есть.

Жеребец быстро разделся до нага, перешагнул в бударку, взял весло, отвязался, оттолкнул и, подгребая, стрелой понесся на середину Волги к низу.

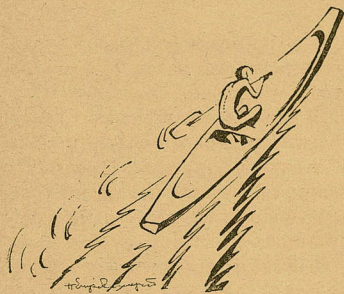
— Ложитесь все, — приказал Максим.

— Зачем это он веслом стучит? — с испугом говорит Степан.

— Затем и стучит, чтоб услышали, коли не видят...

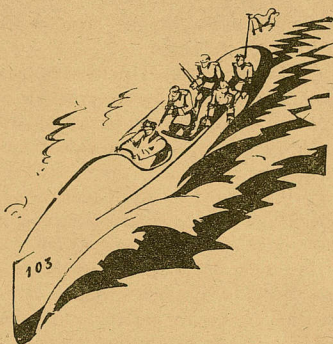
Из-за рынка показалась длинная моторная лодка.

— Как щука — должно быть, путейский дизелек *) — говорит тихо Максим

Жеребец быстро разделся до нага, перешагнул в бударку, взял весла, отвязался.

*) Небольшое посыльное судно с двигателем Дизеля из бывших на Волге в ходу до революции у чинов водяной инспекции.

Оттуда кто-то сдержанно сказал:

— Ваше благородие! Лодка по левому борту...

Звонко закричал со встречной лодки:

— Эй, лодка, стой! Стоп мотор!

Максим увидел, что Жеребец, не отвечая, гребет к середине.

— Стой! Велю стрелять, — кричат со встречного судна.

Нет ответа.

— Огонь! — кричит все также звонко с лодки голос.

Ударил выстрел. Второй. Бударка опрокинулась, плывет вверх дном...

— Батюшки, сшибли Жеребца то, — высунув за борт голову, говорит Ладушкин.

— Молчи — шипит Максим, — а то вот кокну по башке.

Дозорное судно пустилось на середину Волги догонять бударку, уносимую водой. Настигли.

— Опрокинулся, ваше благородие! — говорит солдат на „дизельке“.

И слышен гулкий стук по днищу

опрокинутой бударки вымбовкой или наметкой *).

— Должно утоп. Прикажете, ваше благородие, перевернуть?

— Не надо. Зачем терять напрасно время. Вперед до полного, мотор!

— Есть, вперед до полного.

Качаясь на волнах, плывет вверх дном бударка, уносимая водой.

Дозорное судно пошло вверх полным ходом к луговой стороне. Миновало вдали то место, где упал осокорь, повернуло коренной за рынок. Моторный шум затих.

— Крути мотор — скорей, — тихонько говорит Максим.

— Есть.

— Вперед!

— Есть вперед.

— Жаль парня, — вздохнул Петров, — пропал! А нас-то възволил...

— Куда ж ты правишь на серед-

ку, — сердито говорит Максиму Ладушкин — еще увидят те.

— Не горячись, товарищ, — тихо, но строго отвечает Максим. Он встал у рулевого колеса и смотрит вперёд.

Уносимая волной впереди видна бударка — попала в суводь, кружится вверх дном.

Лодка настигает ее. Стоп мотор!

Максим склонился, схватил бударку, ударил по днищу кулаком. Оттуда тоже будто стук или отзвучье?

— Переверну, Володька?

Максим приподнимает и перевернул бударку. Мелькнуло белое. Отфыркиваясь, встряхнувши волосами, из воды внезапно Жеребец лезет в лодку.

Подхватили. Вытащили. Скорее одеваться. Весь дрожит.

V

— Да ты живой или утопленный? — с испугом спрашивает Ладушкин.

Жеребец, стуча зубами, тихонько заржал:

— Ну, брат, Максим. Еще-б одна минута — силушки не было держаться! Руки застыли. Ноги свело. Холодная вода... Дай тряпку палец завязать — кровища льет...

— Да как же ты дышал-то под водой, Володя? — спрашивает Ладушкин.

— Я не под водой, а под бударкой, — завязывая палец тряпкой, отвечает Жеребец. — У нас на Волге не я один умею так делать. Слышу: грозит стрелять. Я в воду — раз. Бах! Я лодку за борт — раз! Ба-бах! Я и накрылся, нырнул под лодку головой и высунулся из воды, дышу; схватился за скамью руками.

— Как же „дышу“ под лодкой-то, Володя?

— Ну, да! Налей чаю на блюдце, да опрокинь стакан — туда вода-то не войдет. Понял?

— Чудеса!

— Чудеса простые. Только я слышу, вдруг будто, как крашняя шипит, и к носу уж вода подходит —

* В ы м б о в к а — пага, вставляется в гнездо шпиля, которым вытаскивают якорь. П а м е т к а — шест с делениями для измерения с судна глубины реки.

смотрю вверх: в днище светится дыра—должно-быть, он еще стрелял—пробило пулей. Я в дырку пальцем. Насилу проковырнул—заткнул, просунул палец и загнул крючком снаружи, держусь. Слышу, плывут. Я уж знал, что непременно подойдет смотреть—всюду так: не держится-ли, мол, за лодку снаружи. А этого они не знают. Подплыла, колышет. Слышу—как мертвец из гроба—ударило по крышке—ну-ка, думаю, по пальцу?! „Перевернуть прикажете“. Ну, думаю—беда! Надо нырять. Тяну палец, не вытяну! Огонь! А он: „не надо“ и отплыли. Ну, если б вы тотчас—не подоспели, — кормить мне раков!.. Дай-ко я поправлю... Куда ты держишь?! Вот Волга-то!

— Говори, где искать нам „Ермака“-то. Уж Козьи Рожки миновали.

Высоко в небе справа над утесом Жигулей две острые скалы—как козы рожки.

— Да, ведь ты знаешь его, Володя, какой он! Притаился где-нибудь под яром за кустами с „Ермаком“.

— Коршун!

— Бывают на море орлы?

— А как же!

— Ну, вот—не коршун, а морской орел.

— Куда ж он спрятался, орел-то твой? Нырнул бакланом? Застенной воложкой? Там по ярам осокоря—есть где мачты утаить.

— Идем. Пустить мотор?

— Валай. Крути, Степан. Им воложкой тут сверху не пройти—застрянут—а мы на тихом проберемся...

Лодка тихим ходом входит меж двух зеленых островов в верховье воложки. Шуршит под днищем шелково песок.

— Прошли. Дай полный...

— Есть полный!

— Постой! Стоп! Максим, что это там направо под берегом?

— Не разгляжу.

— Две мачты. Как будто две рыбницы*) у берега стоят. Нет, пароход, труба вицать. Тише, ребята.

Плывут, чуть шевеля веслами. Под правым берегом, притаясь, стоит под сенью вековых осокорей весь черный однотрубный пароход.

— „Ермак“,—сказал Максим и свистнул, вложив два пальца в рот.

— Кто на лодке, стой!—слышится с парохода окрик, и щелкнул затвор винтовки.

— Свои. Максим с Володькой.

— Откуда вас несет?

— Из Самары „кругосветкой“.

Лодка причалила к корме „Ермака“.

— Товарищ Ждан что?—спрашивает Володька Жеребец.

— Отдыхает.

— Скажи ему: патроны привезли.

*) Грузовое парусное судно около 40 тонн вместимостью.

МОСКВА—ЭКВАТОР—МОСКВА

БЕРЕГА СССР СКРЫЛИСЬ

Машинное отделение.

Все готово.

Все на своих местах.

Глаза десяти вахтенных машинистов устремлены на сигнализаторы капитанского мостика.

В двенадцать тридцать на них:

— Готовьсь!

Руки старшего механика и старшего машиниста на клапанах парораспределителей и регуляторах скорости.

В двенадцать сорок сигнализатор левой машины показал:

Малый ход.

Клапаны открылись, регуляторы выровнялись.

В перспективах чугунных установок уходивших на три сажени вверх, замелькали в ритмических движениях девять стальных отполированных, как зеркало, поршней.

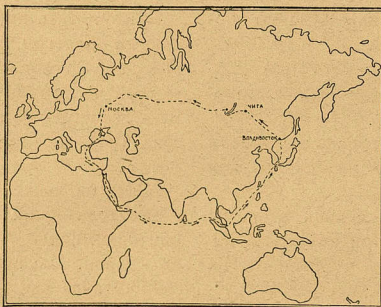
Через пятнадцать минут на сигнализаторах правой и левой машин,

медные, начищенные стрелки показывали:

Полный.

Обе машины дрогнули на своих стальных устоях, как бы оживившись. Восемнадцать мощных поршней бешено застучали. Под напором

в восемь с половиной тысяч лошадиных сил, закрутились с быстротой шестидесяти оборотов в минуту два тридцатидвухсаженных стальных вала, на концах которых рассекали воду два винта, каждая из вось-

Маршрут путешествия Москва—Экватор—Москва

ми лопастей которых имела полторы сажени в длину.

Вода за кормой забурлила.

Пошли.

А на верхней палубе, на мостике, вахтенному штурману в это время показалось, будто берег, расположенный с правого борта и весь сверкающий электрическими огнями, начал медленно разворачиваться влево. Вот он совсем выпрямился и остался уже за кормой.

Пароход дал оглушающий свисток, разбудивший тишину ночи.

Берег постепенно начал удаляться все дальше и дальше.

Его огни становились все тусклей и реже.

Вот на далеком горизонте остался уже только один мерцающий огонек. Через минуту и он пропал.

Пароход со всех сторон окружил безбрежное море.

Берега СССР скрылись.

Это было 14-го марта 1924 года.

А пять дней назад . . . . .

. . . . .

7 МИНУТ и 3 ЗВОНКА

Москва. Театральная площадь. Сверкающее причудливыми узорами своих цветных окон громадное здание Метрополя.

Тяжелая стеклянная дверь резким движением распахивается настежь. Из нее выбегает Володька с взволнованным лицом и кричит на всю площадь:

— Колька! опоздали. Билетов на сегодняшний поезд в городской кассе уже нет.

— Как нет? Значит все пропало! Если сегодня мы не выедем, то на пароход нам не успеть.

— Не все еще пропало. Есть еще одна надежда — поехать сейчас же на вокзал и попытаться достать там билеты.

— А сколько остается до отхода поезда?

— Пятьдесят минут.

Через десять секунд мы уже сидели на извозчике.

Тверская.

— Стой!

— Володька, только две минуты.

Ровно через две минуты зазвенела огромным зеркальным стеклом не особенно осторожно захлопнутая парадная дверь. Мы снова оба были на извозчике.

— Уже собрался, Колька?

— Да.

— А как же мне быть?

— Где живешь?

— У Красных ворот.

— Туда не успеем. Остается всего сорок минут.

— Что ж делать?

— У меня три пары белья и одеяло. Как-нибудь поделим. Хватит на двоих.

— Ладно.

Извозчику:

— Курский вокзал. Гони!

Когда извозчик остановился у широкого подъезда вокзала, часы показывали 4—38. Поезд отходил 4—45.

Оставалось семь минут.

Подбегаем к кассе.

— Есть билеты?

— Есть.

— Ура! Едем.

Два звонка.

Но билеты уже в руках.

Ураганом проносимся мимо контролера, ткнув ему в самые глаза билеты.

Мы вскочили в вагон, когда станционный колокол пробил уже третий удар.

Поезд двинулся.

Поехали.

ПРЕИМУЩЕСТВО ВОЗДУШНОГО СООБЩЕНИЯ

На другой день Тула.

Поезд стоит 20 минут.

Володька пошел на вокзал за шамовкой.

Проходит десять минут. Пятнадцать. Два звонка. Три.

Тула осталась позади.

Володьки нет.

— Балда! Растяпа!

Мелькают серые скученные деревни Тульской губернии. За ними славившиеся когда-то, но теперь уже на три четверти вырубленные Орловские леса.

Остаются позади Орел, Курск, Белгород.

Харьков.

В вагон через целые толпы носильщиков протискивается массивная фигура с вечно улыбающейся рожей, без шапки и с засученными по локоть рукавами зеленой, рваной гимнастерки.

— Володька! Ты что, — чудотворец? Как ты мог обогнать скорый поезд?

— Очень просто. В Туле на вокзале все оказалось очень дорого, ну, я и решил добежать до ближайших лавок. А там встретил старого знакомого-комсомольца из Симбирска, с которым работал вместе в 1921 году. Заговорился с ним — ну, а поезд и прозевал. Хотел уже назад возвращаться в Москву и поплелся в город ночевать к этому парню из Симбирска. По дороге случайно прочитал на столбе объявление о том, что через несколько часов в Тулу должен прилететь аэроплан, делающий пробный перелет для установления постоянных рейсов Москва — Харьков. Я сейчас же, не теряя ни минуты, помчался к председателю губисполкома и сказал, что командирован от комсомольского журнала корреспондентом, на пароход „Декабрист“,

отходящий через четыре дня из Евпатории во Владивосток и ни в коем случае не могу опоздать к его отходу. Ну он и дал мне записку в агентство „Добролет“. Через два часа я был уже на „Юнкерсе“, а через восемь — в Харькове.

— Вот это я понимаю. Молодец. Bravo. Значит все-таки будем на „Декабристе“ и „даешь экватор!“.

— Даешь!..

И мы снова лежали вместе с Володькой на верхних полках третьего класса скорого поезда „Москва — Севастополь“ и смотрели на низенькие приветливые мазанки украинских деревень.

★

Двенадцатого были в Евпатории. Зашли в отделение Госторгфлота. Показали документы.

— Ладно, ребята, во-время поспели. Пароход сейчас уже стоит на рейде. Идите скорей к бухте. Через час к нему пойдет наш катер.

В Евпаторийской бухте среди десятков всевозможных судов выделялся черным стальным силуэтом 12000-тонный громадина — пароход, к которому мы так торопились.

Разыскали катер. Сели в него. Затарактел мотор.

И вот мы поднимаемся по веревочному трапу на палубу советского гиганта.

Поднялись. Проходим в матросские кубрики.

Среди команды оказалось много комсомольцев. Они провели нас к капитану.

Принял радушно. Засыпал вопросами о Москве, в которой давно не был. Передали ему последние

московские новости. Выслушав их, капитан передал нас старшему помощнику, чтобы он указал каюту.

В тот же день познакомились с главным механиком — старым коммунистом и выдавшим виды моряком, немцем по национальности, давно уже живущим в России и великолепно владеющим русским языком. Быстро сошлись с ним. На другой день он пришел к нам в каюту и сказал, что ночью пароход выходит в море, а поэтому он приглашает нас в машину, где момент отхода особенно интересен.

Приглашение старшего механика с удовольствием принимаем и в двенадцатом часу ночи спускаемся по узким железным трапам в ярко освещенные недра парохода.

Машинное отделение.

Все готово.

Все на своих местах . . . . .

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Итак, мы уже в открытом море.

Как быстро все промчалось!

Москва, редакция, вихрем мчащийся через леса и поля средней России скорый поезд, Евпатория и, наконец, этот пароход, ставший на два месяца нашим жилищем. И все это промелькнуло перед нами в короткие, маленькие, незаметные пять дней.

За пять дней, с 8-го по 14-е мар-

та, такая обычная и, казалось, постоянная и несменяемая обстановка московских улиц, каменных домов, шума и суеты, рева автомобилей и звонков трамваев, сменилась на это безбрежное, волнистое Черное море.

Мы идем по нему уже сутки.

Встретили несколько пароходов, английских и немецких, идущих в Одессу за русской пшеницей.

На другой день на рассвете показалась земля.

Это анатолийский берег — Турция.

В одиннадцать 15-го марта вошли в Босфор.

В 2 часа показался Константинополь.

На высоких, уходящих в небо золотых верхушках многочисленных минаретов иг-

рало теплое южное солнце.

Над городом стоит мгла.

Над портом дым пароходных труб.

Они заслоняют расположенный по горам город, белеющий своими постройками.

Горит купол Ай-Софии.

Крики торговцев на палубе и за бортом. Тянутся с шлюпок покупки на концах.

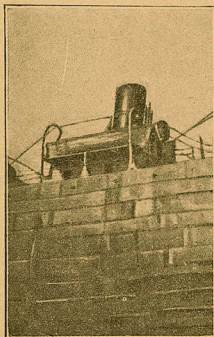
Выбираем сигареты, чтобы заметить ими махорку, дерущую горло.

Мимо проходит полисмен.

Просит закурить, но взамен дает свою — дешевую.

Заводим разговор.

— Как бы попасть на берег?

„Декабрист“ с лодки

— Можно, турецкая полиция разрешит, но необходима бумажка— прошение.

Угощаем мандаринами, производим располагающее впечатление.

Задумывается. Как бы доставить русским удовольствие, чтобы не попасть за это в каталажку.

Подходит к трапу, вызывает с полицейского катера моториста и что-то долго говорит с ним по-турецки.

В заключение тот кивает головой, и мы, как горох, скатываемся с палубы по трапу на начищенный, с навощенной палубой, с мягкими креслами в каютах и турецким полумесяцем на корме, катер.

Загудел мотор, забился в бирюзовой воде винт, выбрасывая жемчужную пену.

Все ближе берег.

Лес мачт лез в небо.

Вот они уже стали украшать тысячетонные корпуса пароходов, грузовиков и пассажирских, выкрашенных после долгого рейса, с ярко красными ватерлиниями или покрытыми на местах показавшейся ржавчины суриком.

Гулко по бухте раздается сирена. Перед нами расступаются сотни лодчонок, перевозящих с одного берега на другой товары и пассажиров.

С трапа французского парохода нам отдает честь турок-полисмен, думая, что на катере едет начальник портовой полиции. Мы перелглядываемся.

Нас завезли в самый отдаленный угол бухты, чтобы не увидал соответствующий глаз.

Благодарим моториста и рулевого.

Они говорят, когда будет нужно обратно, будут ждать здесь ночью.

Толкая друг друга, хваля свой товар с корзинами, наполненными горами фруктов, обступают нас торговцы, греки и турки, на перебой понижая запрошенные цены.

По улицам шумят автомобили.

Едут на начищенных лошадях с лакированной упряжью и такими же экипажами французские и английские леги.

Под уже спускающимся к горизонту солнцем горят цветными огнями зеркальные окна торговых контор и всевозможных иностранных фирм.

Тротуары заполнены говорливой турецкой толпой.

Иногда с малиновым звоном, увы, без шпаги, но с тросточкой продемонстрирует себя и свои погоны русский эмигрант в старорежимной шинели.

В одном из ресторанов с европейским меню к нам за столик подсаживается капитан угнанного Врангелем парохода „Иерусалим“.

Заговаривает по-английски.

Отвечаем по-русски, завязывается разговор.

Расспрашивает о положении в Советской России— о зарплате, о правах капитанов на советских судах; говорит, что, по слухам, их работа совершенно невозможна, нет дисциплины, распоряжения капитана не исполняются.

Отвечаем вопросом:

— А как же будет ходить без начальника пароход?

Задумывается. Рассказываем о правилах внутреннего распорядка на судах.

За неподчинение трудовой дисциплине и неисполнение распоряжений капитана, как в море, так и в порту, провинившийся списывается.

Подвыпивший за обедом капитан начинает говорить о своем судне. Команда рвется обратно в Россию, надоело носить французское трехцветное знамя.

Очень жалеет, что не пускают в Черное море, а то бы удрал вместе с судном и с командой в Советский порт.

Среди команды, по его словам, поставлены лица, которые следят за настроениями. Неблагонадежных списывают.

Долго он рассказывал нам о своем прошлом.

О загранице, о желании попасть в Совроссию.

Усталым, туманным взором смотрел кругом.

Положил голову на руки и задремал.

Время шло, пора было итти.

С помощью лакея мы вывели капитана на улицу и усадили на извозчика, который повез его на „Иерусалим“.

Вслед за удаляющимся возницей, мы зашагали по улицам Константинополя.

Вышли в квартал особняков.

Здесь тишина.

Время уже катилось к полночи. „5-е авеню“ уже замерло, изредка по гранитному тротуару гулко прозвучат шаги полицмена, пролетит автомобиль, разрезая огнями темноту.

Проходим два квартала.

И вновь шумные улицы и вечно гудящий город.

Катер нас ждал.

Из темной и широкой бухты город казался сказочными горами с миллионами светлячков.

А вот и наш гигант, он уже поднимал пары. В машину дано распоряжение „быть готовым“.

Распоряжение капитана, это—закон. Полезли к 180 атмосферам стрелки манометров паровых котлов. Шесть матросов направились к брашпилю и на палубу прибрать все для четырехдневного перехода. Потасили тросы, убрали трап и вместе с прощальным сигналом сирены заработали в цилиндрах поршни.

ПОРТ-САИД

В 7 часов утра 16-го марта с капитанского мостика раздалась команда:

„Вира якорь!“

Якорь был поднят. „Декабрист“ вышел из Босфора в Мраморное море. Через час за горизонтом скрылись последние, дольше всего видимые минареты Константинополя.

Итак, Константинополь и Босфор—ворота в Черное море—пройдены. Мы уже за границей. СССР остался за нами, там, далеко на севере.

За сутки, с утра 16 до утра 17 марта, прошли Мраморное море и Дарданеллы.

17-го вошли в Эгейское море.

18-го уже были в Средиземном.

19-го в полдень на горизонте показался берег. Это был берег Африки. В час дня увидели большой

город. Это — Порт-Саид, главный портовый город Египта.

Здесь мы должны были простоять около суток, чтобы набрать угля на дальнейшую дорогу.

В 1 час 40 минут „Декабрист“ стал в бухте Порт-Саида.

На пароход явилась полиция — один англичанин и несколько негров и стали у трапов, чтобы ни один из матросов „Декабриста“ не мог выйти на берег — это было запрещено морской английской полицией из-за страха „большевистской заразы“.

Сейчас же, как только на пароход вошла полиция, его окружили со всех сторон десятки лодок, привезшие персидские и арабские ковры, фрукты, вино и массу всякой другой мелочи. Началась оживленная торговля. К бортам парохода высыпала вся команда. Каждый из матросов, желавший что-либо купить, показывал лодочнику

пальцем на эту вещь и спрашивал цену. Если они сторговывались, то матрос бросал в лодку деньги, а продавец укладывал покупку в специальную корзинку и привязывал ее веревкой, конец которой бросал на пароход. Покупатель притягивал по веревке к себе корзину, брал из нее покупку и тем же путем

Египтянин

отправлял корзину обратно в лодку.

Часа через два все лодки были отогнаны от бортов „Декабриста“ свистком полисмена. На их место подошли огромные баржи с углем. На этих баржах на кучах угля сидело сотни две чернокожих грузчиков. Как только с барж на пароход были уложены массивные толстые сходни, сейчас же началась работа. Мы увидели вблизи грузчиков Порт-Саида.

Это были исключительно арабы, негры и феллахи. Ни одного белого среди них не было. Они все были ужасно истощены и полуголодны. Как только кто-нибудь из грузчиков освобождался на минуту от работы, то сейчас же шел на нашу пароходную кухню и просил там чего-нибудь поесть. Среди них были в большом количестве дети 13—14—15 лет, которые работали наравне со взрослыми.

Эти чернокожие грузчики — самая угнетенная здесь масса, беспощадно эксплуатируемая фактическими хозяевами „независимого“ Египта. Они работают по 14—16 часов в сутки, перетаскивая на своих вспухших и исцарапанных в кровь черных плечах тяжелые корзины с углем, получая за это 8—10 пенсов (25—30 копеек) в день, на которые едва можно прожить, питаюсь только одним рисом — самым дешевым продуктом в Порт-Саиде.

Особенно было тяжело смотреть на изогнувшихся в дугу и едва переступавших дрожащими ногами под тяжестью корзин, детей, которые уже с ранних лет прикованы к этому каторжному труду.

А тут же рядом, почти борт о борт с нами, как будто специально для того, чтобы показать этот разительный контраст, стояли роскошные пассажирские пароходы, на них, по сверкающим чистотой палубам, разгуливали разодетые в шелка и золото почтенные „леди“ и „мадемуазели“. И от шёлка и золота этих дам несло потом и кровью, тут же рядом изнывающих от непосильной работы чернокожих детей, из каторжного труда которых был соткан этот шелк и построены эти роскошные пароходы.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Через 16 часов после начала работы на наш пароход было погружено 1700 тонн угля. Это количество вполне достаточно, чтобы пройти до следующей угольной базы—Коломбо. Еще на несколько часов нас задержали обычные портовые формальности, по окончании которых „Декабрист“ медленно пошел по бухте ко входу в Суэцкий канал.

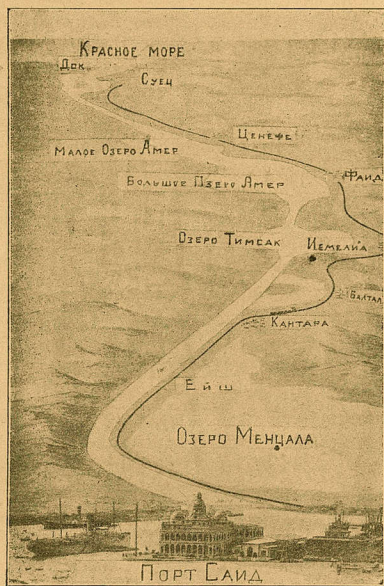
Перед нашими глазами проходила целая цепь стоящих на рейде все-

возможных судов под флагами почти всех государств мира. Величаво проплыла громадная бронзовая статуя Лессепса—строителя канала, мелькали одна за другой улицы Порт-Саида. Сначала шли богатые центральные улицы с гранитными и мраморными 5—6

этажными домами, с громадными окнами и пышными витринами магазинов. За ними пошла грязная с узкими улицами туземная торговая часть города, и, наконец, показались грандиозные портовые сооружения и рядом с ними, как бы раздавленные их величием, скученные кварталы рабочих, в которых, как муравьи, копошились сотни черных и белых

рабов капитала. Но вот медленно прошли за бортом „Декабриста“ последние кирпичные здания с высокими трубами. Мы вошли в Суэцкий канал.

С обеих сторон парохода потянулись песчаные берега—с одной Аравия, с другой Африка. По африканской стороне шла железная дорога в Каир и Суэц. Маленький

Суэцкий канал

дачный поезд с изящными полированными вагончиками бежал, как бы в перегонок с нашим пароходом.

День был жаркий, солнечный.

Мысли сами собой обратились к прошлому, к истории Суэцкого канала.

Над ним работали пятнадцать лет. Со всех окрестностей были согнаны десятки тысяч феллахов и негров, которые почти без всяких машин, просто лопатами, копали землю и корзинами на своих спинах выносили ее из громадного рва. Они получали по несколько копеек в день, массами заболели и умирали тут же, в этой для себя вырытой колоссальной могиле. Весь канал выложен их костями. Лес-сепс—строитель канала—нажил на нем миллионы, и ему поставлен богатый, грандиозный памятник, а им—тысячам, положившим здесь свою жизнь, действительным строителям канала—памятника нет, о них вообще не осталось никакой памяти—они забыты. Но это было еще в прошлом столетии,—думаем мы,—а теперь, вероятно, работы на канале уже усовершенствованы, ведь акционерное общ-во Суэцкого канала зарабатывает на нем такие колоссальные деньги,—за проход нашего „Декабриста“ было уплачено компании 2.000 фунтов стерлингов (около 20.000 руб.), а ежедневно по нему проходит 15—20 пароходов.

Но мы глубоко ошибались.

Через несколько часов на обоих берегах показались небольшие кучки рабочих. Это были все те же феллахи, работавшие по расширению канала. Они так же лопатами

рыли землю и корзинами на своих спинах выносили ее. Только в нескольких местах, близко к берегу была проведена узкоколейка, и земля вывозилась по ней вагонетками на лошадях. Вот и все, к чему пришла английская техника. Здесь слишком дешев рабский черный труд. Зачем же инженерам ломать голову над новыми техническими приспособлениями?..

Мы шли каналом уже десять часов. Кругом нас была беспредельная пустыня. Везде песок, песок и песок. На горизонте высились целые песчаные горы—дюны. Иногда из глубины песков важно выходил к берегу верблюд с одиноким всадником-арабом или туарегом и снова скрывался в безграничных песках.

Наступила ночь.

Великолепным покрывалом из черного бархата с миллионами ярких огромных бриллиантов-звезд покрыло нас тропическое ночное небо.

Никогда не забыть этой ночи на Суэцком канале.

Утром на горизонте показались пальмы. За ними город.

Это был Суэц.

В 7 часов прошли мимо этого небольшого живописного городка.

В 8 часов 21-го марта вышли из Суэцкого канала.

„Декабрист“ взял курс на зюйд и начал резать своим мощным форштевнем воды, окутанного библейскими легендами, Красного или Черного моря.

КОЛОМБО

Индийский океан—это большое море, так думали мы, когда увидели

ли впервые глобус и кружили его вокруг своей оси от нечего делать.

А теперь он перед нами, грядами идет голубо-зеленая зыбь, по утрам встает солнце, а вечером ложится спать.

За кормой снуют акулы в ожидании добычи: темно-голубыми мокрыми спинами и желто-бледными брюхами сверкают они, посмотришь — и мелькает мысль: свалишься с палубы и — был таков.

По утрам из-за горизонта появляются смерчи, — подумаешь: налетит на пароход эта громадина, в десятки тысяч пудов весом, и... прощай СССР и Москва.

Вечером по горизонту пройдут огоньки, замелькает лампочка на фок-мачте, — и опять темь, Южный Крест и... воляной горизонт.

Иногда пролетит, как птишка, пассажир, щегольнет огнями, гуднет оркестром и скроется за кормой.

Шумит вода за бортом.

Стучит машина.

Жужжит воздух в вентиляторах.

Шелкает в радио-рубке радист, ругая Париж за то, что тот долго передает курс на иностранную валюту, поймает новость, принесет нам для стенной газеты „Тайфун“, да и на боковую.

Люди спят под тентами на палубе, в трусиках, распластавшись от жары, как рыба на воздухе.

Только свиньи не унывают, хрюкая почти круглые сутки и подго-

тавливая свое мясо для заскорузлых желудков команды.

И так две недели.

Монотонную жизнь скрашивали библиотека, политграмота, шахматы и бокс.

Три раза в неделю грызли Коваленко, два раза били носы кожаными рукавицами на локте шестого трюма.

Килевая качка донимает.

Завтра Коломбо.

Клеим стенгазету — утром она должна выйти.

За бортом хлюпает вода, как солнце, фосфорятся громадные, с колесо величинной, медузы.

Фосфористым светом переливается след за кормой.

Когда мы утром вывешивали

в кают-компании газету, с бака закричали: земля!

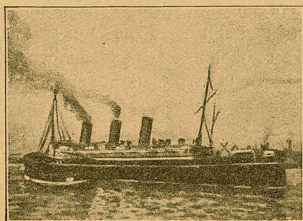
Сначала синеватой, потом темно-коричневой развернулась кривая полоса.

— В десять будем! — сказал штурман, поглядывая на главный компас.

Изменили немного курс и в 9 1/2 над берегом замелькали черные точки. Это были пальмы. Потом загорелся яркими огнями стелок и крыш город. Мимо прошмыгнули сингалийские лодки с веслами, напоминающими ложки, — символ солнца.

Спустили трап.

Как игрушка, подошел катер,

Встреча с американским гигантом.

взбежал на мостик лоцман-англичанин.

Мы входили в бухту мимо длинного массивного мола и миниатюрного портового маяка.

Вокруг десятки судов, маленькие, большие, громадные. Черные, закопченные грузовики и нарядно наложенные пассажиры.

Нас ставят борт о борт с двумя гигантами, американским и французским. Там на палубе смятение, шопот, и из роскошных кают с моноклями, лорнетами, биноклями выплывают посмотреть на большевика, а он прибрался, помылся и покрасился еще в Индийском океане и не похож на других грузовиков, — вот этим-то и была поражена иностранная публика.

От пристани прилетели, как стрелы, моторки с черными мотористами, рулевыми и боями.

Каждая считала долгом остановиться и осмотреть судно от ватерлинии и до верхушек мачт.

У нас на палубе суматоха: доктор-англичанин ищет заразу, кто-то бегаёт с ведрами, наполненными дезинфицирующими средствами, а над всей этой сутолокой вьется красное полотнище с буквами РСФСР — оно кричит Коломбо и Цейлону о прибытии советского парохода.

„Зараза“ не найдена, предохранительная дезинфекция произведена, команда проверена, и на вопрос нашего капитана начальник портовой полиции отвечает:

— Офицеры могут итти на берег свободно.

— У нас нет офицеров, есть одна общая команда судна, — отвечает капитан.

Начальник полиции поражен.

— Как, у вас нет офицеров?

— Есть капитан, штурманы, механики, — в работе, но во время отдыха все равны, — говорит капитан.

После продолжительной паузы изумления, начальник полиции благосклонно разрешает выйти всем.

Как горох, сыплемся мимо любопытно оглядывающего нас полисмена-индуса в темно-синем костюме и босиком.

Садимся в лодку.

Не верится, что сейчас нога ступит на берег Цейлона, на землю, где не так давно красное знамя развевалось не на мачте советского парохода, а над деревьями, пальмами, бананами, плантациями и лесами — то было восстание, и тысячи сингалийцев, индусов и дравидов заплатили за это жизнью.

А вот и охранители порядка.

Блестят дула орудий, направленных на берег, серые, как склепы, стоят крейсера, и голубые, как спины прожорливых акул, рядом с ними вытянулись подводные лодки. На гербах гордые английские львицы.

Рев автомобилей, гул движения, крики все громче и громче летели нам навстречу.

Мы были у пристани.

Полисмен-англичанин подозрительно окинул нас глазами.

Встречные черные радостно скалили зубы, расширяли физиономию и тихо шопотом бросали: „рлусский, рлусский“...

Через громадный зал с десятками матовых окошечек вышли на площадь.

Шпалерами выстроились Форды, Ситроены, Фиаты, за ними полуго-

лые, исхудалые, с просящими работка глазами нас провожали рикши.

Полдень. Солнце жгло нестерпимо, улицы полны, как муравейник.

Справа—невысокие, легкие деревянные постройки, занятые магазинами безделушек — собственность чернокожих, слева, как горные массивы, стояли дома с зеркальными окнами, десятками швейцаров, боев, лакеев, вереницей автомобилей—иностранные магазины, банки и конторы.

Узнав о приходе русского судна, на пристань бегут газетчики, горланя на ломаном англо-французском языке об ужасающих событиях в Совроссии.

Улицы банков, магазинов и контор перешли в улицы-аллеи.

Широко распластали свои листья пальмы, предохраняя прохожих от палящих лучей солнца. За нами идут сингалийцы, индусы, стараясь что-то рассказать, показывая на англичан, одетых в белые костюмы и тропические шлемы, бросают презрительные взгляды в их сторону.

Встречные чернокожие, после нескольких вопросов на своем языке, радостно жмут руки и долго что-то расспрашивают.

Мы уже собирались проститься со своими дружелюбными провожатыми, как подбежал мальчик, что-то сказал одному из них, и нас повели в рабочие кварталы.

Далеко остались дома-массивы. Здесь перед нами стояли бамбуковые постройки, полные детей, — которые, как поросята, копошились в пыли и грязи, ища что-нибудь съедобное.

Там бледнолицые женщины в шелках и ожерельях декольтируют себя, — здесь бронзовые носят только кусок материи, держащийся на бедрах.

Там вы встретите их больше, чем мужчин, здесь они редки: — с утра до вечера почти все мужчины и женщины уходят на плантацию.

Те кварталы засыпают под утро, — эти встречают восход солнца за работой.

После недолгого пути, мы вошли согнувшись и отвернув соломенную цыновку, заменявшую дверь, в один из домов.

Он был неуютен и неприветлив: — на полу, как видно от дождя, были вымоины, в стенах торчали из заткнутых дыр банановые листья. Свет проникал только через щели крыши и стен, но его было достаточно.

Нам предложили сесть.

Принесли целую связку бананов и записку:

„Падирижите ниманого я пириду“.

— Кто писал, что они хотят? — задавали мы друг другу вопрос, но он так и повис в воздухе, — язык индусов был непонятен, да иногда мелькала мысль: — „а что если... убьют, или скальп снимут?“.

Долго продолжалось бы наше мученье с ожиданием, если бы не вбежал в этот сарай мальчик, едва переводящий дыханье; он что-то крикнул, большинство рассыпались в разные стороны, остальные нас повели другим ходом. И мимо десятков таких же сараев, сотен пальм и других тропических растений мы вышли в Викторию-парк — место от-

дыха проезжающих иностранцев—к вилле английских колониальных чиновников.

В середине парка—музей прошлого и настоящего Цейлона.

Кое-как договорились встретиться вечером у пристани.

Осмотрели музей.

При выходе предложили расписаться.

Среди сотен подписей на всех языках мира, начиная от английского и кончая санскритским, остались и наши подписи из СССР.

На одной из страниц ярко выделялось написанное корявой рукой какого-то кочегара с американского парохода: „Пролетарии всех стран, соединитесь!“.

У выхода несколько лакированных машин.

От одной из них нам навстречу подходит, с широким, с лиловым отливом, лицом, сочными карминными губами и зубами, как жемчужины, негр.

Заговаривает по-английски.

— Вы русские?.

Получив утвердительный ответ, отводит за автомобиль, живо спрашивает о Совроссии, интересуется жизнью рабочих, как проходила революция, что достигнуто в мирной обстановке, и..., заметив в петлице одного из нас медальон Ленина, просит подарить ему. С удовольствием вручаем. Дрожащими руками прикалывает его под своей фланелевой курткой и не знает как благодарить.

Прощается, услышав возмущенный окрик уже вернувшихся из музея пассажиров, и, махая красным носовым платком, пропа-

дает с бесшумной машиной в аллея.

Вновь дурманящий запах тропических растений этого земного рая, пыльные грязные рабочие кварталы с домами-сараями и центральная часть города.

Солнце пропадает за горами.

Тропическая ночь наступает быстро.

Порт и город заиллюминировали воздух и воду бухты огнями.

Узкими улицами тянутся вереницы рабочих, рассываясь по чайнушкам и харчевням.

Из громадных зеркальных окон баров понеслись звуки оркестров,— это начинается день европейцев.

За углами, как убитые, заснулы рикши.

Автомобили понеслись в Викторию-парк, в миниатюрные и комфортабельные кафе.

От одной из групп машин нам навстречу выходит знакомый негр:

— Какие-то черные люди просили вам сообщить, что ждут вас на Портстрит № 12.

Отправляемся туда.

В одной из чайнушек замечаем возбужденную, громко говорящую толпу.

Заметив нас, из нее выделяются наши дневные знакомые с человеком без руки.

Приглашают сесть.

Инвалид хорошо говорит по-французски и по-русски:

— Я жил вместе с русскими солдатами в германском плену, сейчас не работаю, нет возможности,— много безработных совершенно здоровых, но мне помогают товарищи. Сейчас проводим забастовку на

английском консервном заводе. Если бы не мальчик, то вас в рабочем квартале где вы были, могли бы арестовать. Репрессии со стороны англичан растут, здесь все производство в их руках. В прошлом году англичане собирались провести поголовный налог, черные ответили бунтом, но его подавили несколькими десантами с военных судов. Все же налог пришлось снять. Рабочий день у нас равняется 12 часам и больше, при максимальной оплате 1 рупия (60 коп.). Широко применяется женский и детский труд, их насчитывается до 60%. Смертность растет и доходит до 70%. На Цейлоне появляется своя отечественная промышленность, и, таким образом, начинается борьба на два фронта с капиталистами белой и черной расы. Последние не лучше англичан.

Инвалид засыпает вопросами,— об условии работы на судах в СССР, где похоронен Ленин? кто на его месте?...

Все наши ответы он переводит окружающей его группе.

Подходят полисмены-сингайцы. Собравшиеся их не боятся, эти не выдают, они знают, как живут их братья, и носят полицейскую форму только потому, что надо чем-нибудь жить.

В заключение поют свои новые песни, полные горечи и слез, или песни прошлого, то воинственные, веселые, возбуждающие, но задушиваемые крейсерами, десантами, танками, аэропланами и расстрелями.

Просят спеть русское. Затягиваем Интернационал — возбужден-

ные лица, сверкающие огнями мести глаза, судорожно сжимающие кулаки,— те кулаки, которые скоро будут душить здесь и во всей Индии английскую лыжицу.

Повторяем,—быстро схватив мотив, подтягивают. Оставляем слова Интернационала говорящему порусски,—хочет перевести на сингайский и индусский языки.

И на прощанье протягиваются тонкие, костлявые руки.

„Ай буан, ай буан“¹⁾... слышатся вдогонку голоса этой группы в темноте и тишине уже уснувших рабочих кварталов.

Хочется вернуться и остаться с ними. Может быть, завтра затрещат пулеметы и орудия, заплещутся красные флаги, и загремит на весь мир сначала Февральская, а за ней и Октябрьская революция в Индии.

Над пристанью несутся крики избиваемого пьяным военным офицером полисмена-индуса, выступившего в защиту лодочника-малайца, который просил деньги за перевозку вперед. Не получишь на пристани — за требование у крейсера сбросят в воду.

Под этим впечатлением вернулись на пароход. Заревела сирена, на прощанье кричащая угнетенным

Индус - рабочий

1) Ай буан—до свидания.

Индии пожелания скорейшего приближения Октября. Загремел брашпиль, заклокотала вода в котлах, загудел пар в цилиндрах.

В предрассветных сумерках кивали своими головами пальмы на берегу. Кричали нам:— „Ай буан, ай буан“ только-что закончившие погрузку 12-летние грузчики с пыльных угольных барж, оставшихся за кормой.

А там опять море, смерчи, акулы, библиотека, шахматы, Коваленко, история партии, бокс и вахта за вахтой.

СИНГАПУР

В голове еще стояли образы Коломбо, а горы Цейлона уже скрылись за горизонтом.

Мы шли дальше.

Впереди предстоял десятидневный переход через Бенгальский залив Индийского океана.

Снова, после суточной стоянки в Коломбо, начал резать форштевень бездонные пучины синеголубой воды, сверкающей под солнцем экватора всеми отливами нежно-зеленых и голубых тонов.

Под носом парохода все время плыли, то перегоняя его, то отставая далеко, за кормой, остроносые, белобрюхие дельфины. На горизонте иногда показывались громадные туши кашалотов, а из-под форштевня непрерывно вылетали целыми стаями летучие рыбы, стрелами мчавшиеся в разные стороны. Изредка появлялись за кормой выброшенные винтом из глубины морские змеи, извивавшиеся в голубой воде зелеными рубчатými кольцами. На седьмой день показалась высокая,

сплошь покрытая тропической растительностью, скала северной оконечности Суматры.

На другой день, утром вошли в Малаккский пролив. Слева, сплошной линией потянулись горы Малаккского полуострова, справа — берега Суматры.

Местность все более и более оживлялась. Ежечасно попадались навстречу пароходы. Вокруг „Декабриста“ шныряла масса рыбачьих лодок малайцев и папуасов, населяющих эти берега. Часто встречались маленькие, сплошь покрытые зеленью, острова, на которых сквозь чащу пальм проглядывали хижины поселенцев-европейцев или шалаши из банановых листьев, сделанные черной рукой малайца. На Суматре и Малакке в бинокль можно было хорошо различить тянувшиеся непрерывной линией плантации, принадлежащие англичанам и голландцам — властителям этих благодатных берегов.

16-го апреля на рассвете увидели, что наш пароход пробирается среди массы обступивших нас со всех сторон островов. Вода стала зеленая и мутная, и мы как бы пробирались через дремучие тропические заросли — каждый клочок близко подходившей к пароходу земли был покрыт пальмами, бамбуковыми зарослями и бананами. Пальмы лезли чуть не из воды, с каждой отмели в несколько аршин диаметром поднималось пять—десять пальм. Так роскошно и всепобеждающе владычествовала здесь тропическая растительность.

В 12 часов дня показался Сингапур.

В его громадной, закрытой высокими скалами и живописнейшими на земном шаре островами, бухте, стояло несколько сот пароходов, пароходиков, парусных судов, шхун, моторных лодок.

В бинокль весь город был виден, как на ладони. Под солнцем экватора ослепительно сверкали зеркальными витринами его магазины.

в реках и, даже, тиграми в чащах бамбуковых зарослей.

По роскошной шоссеиной дороге, проведенной вглубь Индо-китая, можно ехать на автомобиле и любоваться этим лесом и играющими над самой твоей головой мартышками; но стоит отойти на пяток верст от дороги в тропические чащи, и ты попадешь в объятия очковой

У берегов Суматры

Гордо высились многоэтажные мраморные особняки богачей. По улицам сплошным потоком мчались трамваи, автобусы, рикши. По оживленности и количеству населения и красоте построек Сингапур не уступит крупнейшим городам Европы. Разница только в одном—сейчас же за Сингапуром, в двух верстах от его окраин, начинается самый настоящий непроходимый тропический лес с лианами, пальмами, хлебными деревьями, мартышками, попугаями, крокодилами

змеи или под могучие лапы тигра.

Как жаль, что мы не могли полюбоваться Сингапуром вблизи:—взятый в Коломбо запас угля был вполне достаточен на весь остаток пути до Владивостока. Капитан говорил, что не было оснований останавливаться в Сингапуре.

В 1 час 30 минут „Декабрист“ обогнул Сингапурский маяк.

Здесь была пройдена самая южная точка всего рейса—1 градус 7 минут северной широты, т.е. мы

прошли всего в 70 милях от экватора.

Через два часа маленький пролив был уже позади, и мы бороздили волны Южно-Китайского моря.

Владивосток и СССР все ближе и ближе.

*

Впереди двадцать дней пути без остановок.

Палит солнце.

В машинах жар нестерпимый.

В кочегарке пышет из топок и из вентиляторов.

Раздали ^{*)}, подбросили угля и—крану, всем телом к теплой, но кажущейся холодной воде, и вновь к топкам.

Вьются в топках лиловые, синие и яркие, как солнце, огоньки—жжет кожу.

А старший кричит—раздать! Мало пару. Обороты увеличиваются.

Мы спешим от берегов английских колоний во Владивосток к 1-му мая.

ВЛАДИВОСТОК

Тяжело.—Но пар поднимается, обороты и грохот машины учащаются—лаг работает, как часовой механизм,—он считает пройденное расстояние—оно растет.

Как появились, так и скрылись в дымке и мгле жары берега острова Формозы, захваченного японцами у Китая.

Ночью штурман зорко смотрит вперед—не угробить бы китайские шаланды с десятками жизней, ух-

---

*) Раздали—мешали в топке, специальное выражение кочегаров.

дящих, в борьбе за существование, на рыбную ловлю далеко в открытое море.

Днем иногда с них машут китайцы своими своеобразными соломенными шляпами, приветствуя наш пароход.

Вечером в кают-компании с длинными, как соломины, и жирными трубками сидят кочегары за „Коваленко“—зубрят. За другим столом режутся в шахматы и кроют мат матом матросы и кочегары,—это по старой традиции, заложенной их далекими предками, скитавшимися по морям и океанам на шхунах под парусами.

В каюте ячейки штурмуют полит-экономии и гложут историю партии комсомольцы, партийный молодец и ленинский набор.

Каждые три часа из кочегарки выходит черные, как негры, и мокрые от пота и соленой воды кочегары, а каждые четыре, с мостика и из машины спускаются по трапам и вылезают пропаренные и замасленные матросы и машинисты. Четко звучит по ветру:

— Курс норд., норд., ост 15, лаг 11 мил! Заглушаемый ревом пара в цилиндрах несется окрик:

— 68 оборотов, пару 180 атмосфер, за вахту прошли 45 миль! Сменные идут в баню, в красный уголок, в каюту на отдых.

И так двадцать два дня.

Ускоряем ход, приближаясь к советскому порту, спеша к пролетарскому 1-му мая.

Корейские берега.

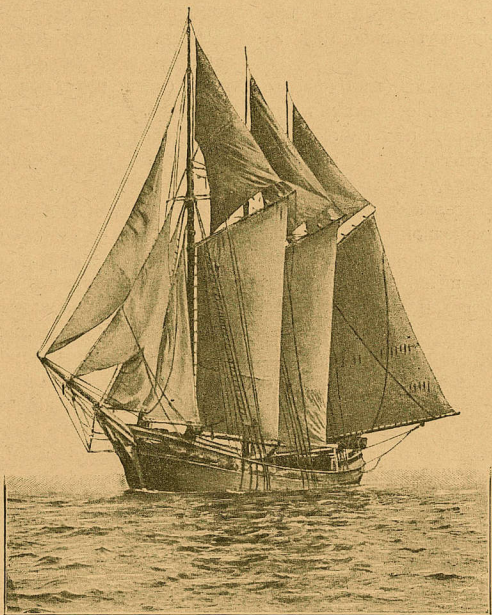
В 1924 году встречаются не шаланды, не кустарный рыбный промысел, а тралеры, катера и гро-

мадные парусники японских „Ничиро“ *).

Вот и Цусима—старое и прошлое, бой с японцами, бегство нашего советского гиганта от гибели и расстрела японской эскадрой,

Владивосток уже близко: из-за горизонта выбирается красный дальневосточный маяк СССР—Скреплев.

Позывные флаги взвиваются на фок-мачту—рдеет на корме красное

Встречный парусник

через Австралию, иногда почти без угля. Проплывают в памяти бывшие дни наших старых вояк-моряков.

За Цусимой, золотое советское дно—остров Аскольд.

полотнище РСФСР... С шампунек *), лодок и парусников кричат:

— Здорово! браво! Приветственные сигналы сиреной дает встречный катер „Диомид“.

*) Ничиро—рыбопромышленные о-ва, во главе которых стоит сам микадо.

*) Шампуньки—китайские лодки, управляемые одним веслом с кормы движениями, напоминающими работу рыбьего хвоста.

Надвигаются сопки, форты и... за ними, весь в огнях, иллюминированный в красные светящиеся звезды, Владивосток.

И, как будто в ответ, на готмачту полезла красная звезда.

Утром „Декабристы“ под красным флагом, как девятый вал, вместе с рабочими Владивостока заполнили площадь.

И приветствиями с трибуны рассказывали, как живет желтый и черный пролетариат под салогом англичан и французов, а вечером, когда загудели клубы, зазолотились сопки тысячами огней, „Декабрист“ дрожал от звуков Интернационала: вместе с нашими моряками его пели гости—немцы и англичане...

Это было вечером 1-го мая, а...

5-го декабря, когда вершины сопки покрылись снегом, как сахарной пылью, пожелтела трава от утренников, заплывали тонкие, как хрусталь, льдинки по бухте, китайцы с Уссурийского залива на шаландах начали доставлять в город свежих сельдей, поезд, лакированный в

зеленые, желтые и синие краски, затрахал по стрелкам, заревел на прощанье Владивостоку.

Голые сопки сменились равнинами, не пахнет горько-соленой водой, но образы Турции, Египта, Индии, Китая, Японии мечутся в воображении.

Через них не чувствуешь 40° забайкальский мороз, не видишь тучи снега, налетающего бураном на поезд.

Паровоз сменяет паровоз—летят стрелки и станции, мелькают туннели и верстовые столбы.

Все ближе и ближе к Москве.

Ночью, когда Москва спала, поезд подходил к перрону.

Пассажиры искали встречающих.

Нам не пришлось долго ждать. Московская комсомольца нашла нас и, после долгой разлуки, чуть не отправила на тот свет объятаями.

Опять перед нашими глазами массивы Кремля и вместе с ним—Москва с великой могилой Ильича, о котором думает весь рабочий люд—и на западе и на востоке, и белый, и черный.

Ту—ХОБО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ЯПОНИИ

1. ИЗ ВЛАДИВОСТОКА В ХАКОДАТЕ

— Поднять трапы!—раздалась с мостика команда старшего штурмана.

— Есть поднять трапы,—ответил вахтенный матрос.

Пароход дал третий свисток.

С правого борта спустились по штурмтрапу на стоящий внизу

катер агенты ГПУ и таможенники, закончившие осмотр парохода и выдавшие капитану документы на право покинуть воды СССР и отправиться в заграничное плавание.

Как только катер отошел от борта, капитан скомандовал в машину:

— Малый.

Машина заработала. Вспенилась

за кормой вода. Пароход начал медленно разворачиваться.

Вот он совсем выровнялся. Пристань и громадные пакгаузы, которые он опорожнил за трое суток погрузки, оказались позади, а нос повернулся к центру бухты. Через несколько минут пароход был на середине довольно широкой полосы воды, тянувшейся на несколько верст в длину и заключенной с трех сторон высокими сопками. Это—залив „Золотой Рог“—лучшая бухта на Дальнем Востоке, превосходящая по своим удобствам заграничные порты, как японский Дайрон, китайский—Циндао и др.

Перед нами открылась великолепная панорама Владивостока.

Весь берег бухты был окаймлен почти сплошной лентой высоких бетонных пристаней и железных, блестящих под солнцем пакгаузов, перед которыми стояло десятка два пароходов. Среди них было несколько Доброфлотских, готовящихся к отходу в очередной рейс на Камчатку, два выделявшихся своими размерами советских гиганта „Трансбалт“ и „Декабрист“, пришедшие недавно из Одессы и Евпатории с грузом соли для камчатских рыбопромыслов, один большой английский океанский пароход, пришедший из Порт-Саида, два голландца и один немец из Гамбурга.

За линией пароходов, по берегу тянулись различные таможенные постройки с главным портовым управлением—большим каменным пятиэтажным зданием в центре. Дальше, за портом, параллельно „Золотому Рогу“ была видна, как на ладони, главная улица Владивос-

тока—раньше Светланка, а теперь Ленинская, от которой широкими белыми полосами бежали, взбираясь высоко на сопки,—шесть других улиц. Шумели трамваи и автомоби-

Но недолго пришлось нам любоваться картиной этого первоклассного порта СССР—аванпоста пролетарской революции на берегах Тихого океана.

Пароход уже выходил из бухты, и город закрыла полуверстовая Эгершельдская скала.

Через полчаса обогнули Русский остров, представляющий из себя как бы одну громадную гору, покрытую сплошь густым лесом, у подножья которой расположено несколько небольших поселков, да казармы старых фортов.

Еще через полчаса—Скреплевский маяк. Вот и он скрылся из виду—и мы в открытом море.

Погода резко изменилась. Подул ветер. Небо покрылось тучами. С горизонта плотным белым облаком надвигался густой туман. Вот он совсем окутал наш пароход, и мы медленно двигались вперед, все время давая тревожные, предостерегающие гудки.

Так шли часов шесть—семь.

Вдруг с левого борта из тумана вырисовались какие-то высокие горы.

—Что такое? В чем дело?

Оказывается пароход должен был еще зайти в местечко Тетюхэ, чтобы взять там груз и уже оттуда идти прямо в Хакодате—главный город самого северного из больших японских островов острова Хоккайдо.

Солнце уже касалось горизонта, когда наш пароход принял на борт весь предназначенный для него груз и, подняв якоря, снова вышел в море.

В полутьме, быстро наступившего вечера, скрылись скалы Тетюхэ — два года назад еще грозные и неприступные орлиные гнезда партизан, а теперь уже крупное ядро быстро восстанавливающейся тяжелой индустрии Дальнего Востока.

А на другой день, рано утром, вдали показались горы Хоккайдо. Мы полным ходом приближались к ним и через два часа уже входили в Сангарский пролив.

С обеих сторон потянулись цветущие берега. Почти сплошной линией шли легкие постройки японских деревень, за которыми виднелись рисовые поля и густые рощи красивых, густых и раскидистых японских сосен.

Кругом шныряли, проходя иногда под самым форштевнем, рыбачьи лодки, мелкие моторные катера и легкие парусные шхуны. Навстречу попадалась масса пароходов, преимущественно японских, среди которых встречались крупные пассажирские линии — „Хакодате—Шанхай“ и „Хакодате—Сан-Франциско“.

Но вот, наконец, и Хакодате.

С правой стороны окуривали небо трубы громадного военного завода, с левой — был виден длинный бетонный мол бухты Хакодате. Мы обогнули стоящий у входа в бухту маяк и вошли за мол.

Бухта была очень оживлена, гораздо оживленней Владивостока. Мы насчитали в ней до пятидесяти пароходов и парусных шхун. Но

все это были исключительно японские суда. Не считая трёх одновременно сошедшихся здесь русских доброфлотцев, ни одного иностранного парохода среди них не было.

Осторожно проходя среди такой массы всевозможных судов, наш пароход вышел на середину бухты и отдал якорь. Через несколько минут к нему подошел большой неуклюжий катер, из которого поднялись на палубу несколько одетых по-европейски японцев, с большими американскими роговыми очками на глазах и блестящими кортиками у поясов. Это были представители морской полиции.

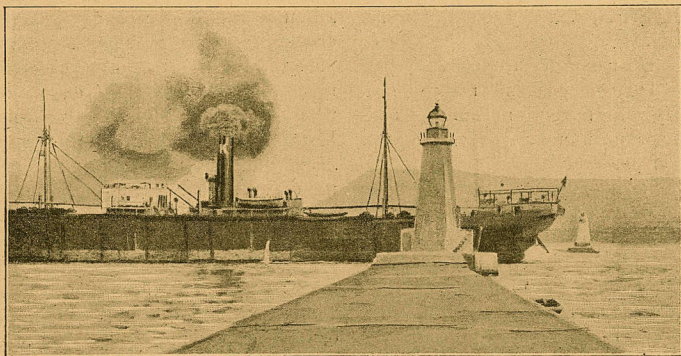
Они прошли в каюту капитана и занялись там проверкой судовых документов. Не найдя, видимо, в этих документах ничего подозрительного и зараженного микробами большевизма, японцы вышли от капитана снова на палубу, где к этому времени вахтенным матросом уже были вызваны все пассажиры и команда и выстроены рядами. Представители японской полиции проверили наличное количество всех находящихся на пароходе со списками и, не найдя ни лишних, ни недостающих, — объявили, что они могут выдать пропуска для выхода в город всем желающим их получить.

После этих слов, вокруг японцев сейчас же столпились все обитатели парохода. Но получили пропуска только очень немногие, — максимум, одна треть всех желающих, несмотря на широковещательное заявление полицейских. Японцы выдавали пропуска только по предъявлении документов каждого же-

лающего сойти на берег, а у большинства, по их мнению, эти документы оказались или подозрительными или недостаточными для того, чтобы получить право осмотра Хакодате.

Но нас минула „чаша сия“, и после тщательного изучения предъявленных бумаг один из японцев написал нам нечто вроде визитных карточек, в которых японскими

Проезжая на лодке мимо японских пароходов, мы увидели, что большинство из них были очень старыми, иногда даже с деревянными корпусами, грязно содержимыми пароходиками, с бортами, усеянными заплатами. Шхуны такие же старые и допотопные, что мы удивлялись, как находятя люди, которые рискуют выезжать на них куда-либо дальше бухты.

Мы обогнули стоящий у входа в бухту маяк и вошли за мол

иероглифами были указаны наши фамилии, имена, лета и род занятий, и все это скреплено маленькой, квадратной, красной печатью с какими-то невообразимыми каракулями.

Получив в руки драгоценные бумажки, мы, не теряя ни минуты, уже были на трапе и спускались по нему в большую остроносую парусную лодку, которая, за пятьдесят сен с брата, должна была доставить нас на берег.

Но вот и пристань.

На ней оживление несколько меньше, чем в бухте. Снуют японские кули, перетаскивающие багаж. Мирно сидит в конторке таможенный чиновник, записывающий что-то в книгу. Подходят и уходят снова к пароходам лодки. Все полно какой-то тихой, мирной суеты, которая даже не давала и намека на тот конец и те приключения, которыми закончилась эта наша поездка.

А они уже приближались.

II. А КТО ЭТО?

Через пристань проходим на небольшую и довольно грязную площадку—двор таможи, с которого, через широкие ворота-арку, выходим на городскую площадь.

Впереди, перед нами шла от подножья довольно высокой горы большая, широкая улица, ведущая в центр города. Влево от площади спускалась вниз к порту, пакгаузам и грузовым пристаням другая, более узкая и грязная улица.

— По какой же итти?

— Пойдем сначала по узкой к порту, а потом, наверное, как-нибудь поднимемся оттуда наверх к центру.

И мы пошли по портовой улице. Кругом стоял шум от работающих лебедок, переваливаемых в пакгаузы тюков и непрерывной вереницы едущих грузовиков, ломовых телег и тележек с разным грузом, которые везли японцы-рикши.

Вот дошли и до грузовых пристаней. Это были громадные, вдававшиеся далеко в бухту, деревянные и бетонные площадки, заваленные тысячами всевозможных кулей, ящиков, бочек. От них вереницей ходили, к стоящим тут же баржам, грузчики, согнувшиеся под тяжестью наваленных на спины нош. Подойдя к ним ближе, мы заметили, что большинство грузчиков были не мужчины, а женщины. Мы удивились. Чтобы лучше разглядеть, подошли ближе. Да, мы не ошиблись. Это были, действительно, женщины. Они работали так же, как и мужчины, пе-

ретаскивая с утра до вечера на своих плечах четырех-пяти-пудовые тяжести. Они были оборваны, грязны, в громадных, неуклюжих соломенных лаптях на ногах, с лицами широкими и красными от натуги, с изможденными, худыми фигурами. Мы хотели подойти и заговорить, чтобы узнать их жизнь и условия работы, но вспомнили, что они кроме японского не говорят ни на каком языке, а мы японски не знаем ни слова. Едва ли при таких условиях удастся сговориться, да к тому же мало надежды и на то, что сторожа пропустят нас во двор пакгаузов и к пристаням. Пошли дальше. Портовая часть и пристани кончились. Впереди ничего интересного не было видно. Мы решили покинуть эту улицу и подняться наверх, в центральную часть города.

Сворачиваем в какой-то узкий и пустынный переулок, а из него переходим на более широкую и оживленную улицу, ведущую к подножью сопки.

Вот зазвенел трамвай и повернул на улицу, по которой мы шли.

Шумные центральные кварталы приближались. Окраина оставалась позади. Мы подходим к трамвайной остановке. Сзади нас нагонял трамвай. Из него вышел молодой японец в красной шапке с белым околышем и в военном зеленом костюме.

Увидев нас, он перебежал через улицу и, подойдя к нам, сказал по-русски:

— Здравствуйте! Вы, кажется, матросы с русского парохода?

Мы удивились—среди японцев

редко хорошее знание русского языка.

— Здравствуйте! Вы угадали—мы с русского парохода.

— Правда? Вот хорошо. Рад познакомиться,—и он радушно протягивает нам руку.

Мы ответили тем же, спрашивая:

— А вы откуда так хорошо знаете русский язык?

По этому простому рассказу, и по добродушному, открытому лицу нашего нового собеседника, мы увидели, что это был простой парень, которого нечего опасаться, и поэтому повели с ним разговор гораздо оживленнее.

Японец задал вопрос о России.

Охотно ответили, передавая ему

На крабовом заводе

— Я был в России. Сначала, во время мировой войны, жил три года в Чите, а потом уже в революцию снова попал в Россию на Дальний Восток с японским десантом. Но долго пробыть на Дальнем Востоке не удалось: через несколько месяцев я был выслан из Владивостока обратно в Японию за неблагонадежность. Теперь служу в Хакодате в армии и уже несколько лет никак не могу вырваться домой к семье, на остров Формозу. Я ведь южанин.

все последние новости о Советской республике.

В ответ он рассказывает о Японии и, главным образом, о Хакодате:

„Хакодате—это главный порт северной Японии с населением в сто с лишним тысяч человек. Он живет, главным образом, рыбой—основным продуктом питания всего японского населения, привозимой сюда с Камчатки и северо-восточных берегов Хоккайдо, где она вылавливается в громадных коли-

чествах. Весной в Хакодате снаряжаются сотни пароходов, отправляющихся на Камчатку для рыбной ловли. Осенью они возвращаются, привозя миллионы засоленной кэты и горбуши, которая расходуется по всей Японии и, часто даже, перепродается японскими рыбопромышленными фирмами в Китай. Среди рыбопромышленников Японии, самым крупным, и монополизировавшим весь рыбный рынок, является акционерное общество „Ничиро-Сабуки-Кайша“. Главным акционером в нем является микадо. Капитал „Ничиро“ равняется нескольким десяткам миллионов иен. В руках этого общества фактически находится и весь город Хакодате и все его рабочее население, состоящее, главным образом, из сезонных рабочих, нанимающихся каждое лето на камчатские рыбалки, а зимой уходящих от безработицы в свои подгородные деревни. Кроме них имеется еще несколько тысяч портовых грузчиков и рабочих с нескольких небольших хакодатских фабрик и мастерских, да двух крупных военных заводов, расположенных в окрестностях города.

Положение всех этих групп рабочих одинаково скверно, но особенно туго достается грузчикам, которые работают сдельно, не имея никакого определенного рабочего дня, а во время рыбного сезона работающим по 16—18 часов в сутки за 60—70 сен*), которых едва хватает на рис, да японскую соленую горькую редьку—основную пищу грузчиков. Женщины-грузчицы, ра-

ботающие не меньше мужчин, не зарабатывают даже и бо-ти сен.

Не лучше положение и рабочих, нанимающихся на рыбалки на Камчатку, где они за изнуряющий нечеловеческий труд в открытом море, на утлых лодках-кунгасах, во время штормов и холодных камчатских дождей, получают сто—сто двадцать иен за сезон в два с половиной—три месяца. Несколько лучше только положение фабричных рабочих, которые работают 10 часов в сутки и получают сравнительно приличные заработки, но и их положение уравнивается со всеми остальными группами частой безработицей, съедающей в несколько недель созданный месяцами и годами упорной работы небольшой достаток.

Никакой организованности среди хакодатских рабочих нет, и только в последнее время начали организовываться“...

В это время рассказчика перебил один из нас, все время оглядывавшийся назад и спросивший у нашего японского собеседника:

— А вы не знаете, кто это все время идет за нами сзади?

Японец оглянулся.

— А давно вы его заметили?

— Да уже больше полчаса. А кто это?

— Больше полчаса. Ну, так надо было сказать раньше. Это шпик. Дело наше в таком случае очень скверно.

— Что ж делать?

В это время идущий сзади японец в европейском костюме, в роговых темных очках и с тросточкой в руках начал нас нагонять.

— Ого! Плохо! По нашим по-

*) Сена— $1/100$ часть пены.

рядкам разговор-то мы вели не очень легальный. А вы еще русские, которых наша полиция считает большевиками, встретились с японским солдатом.

— Вы, ребята, текайте. Лучше всего вам сесть сейчас же в автомобиль или трамвай и постараться, таким образом, отвязаться от него, уехав куда-нибудь подальше, а я скроюсь в переулках. Ну, пока всего хорошего. Спасибо за рассказ о Советской России. Я, вероятно, скоро как-нибудь проберусь туда, тогда, наверное, встретимся опять.

С этими словами он скрылся в ближайшем переулке, а мы вскочили в остановившийся на перекрестке трамвай.

Кондуктор дал звонок.

Вагон тронулся.

III. ИОНАКОВА

— Куда же поедем?"

— Все равно, куда-нибудь, лишь бы отделаться от этого проклятого филера. Мы осматриваем все уголки трамвая—нет ли где выслеживавшего нас сыщика.

Но его нет.

Хорошо.

Немного успокаиваемся.

Подходит кондуктор, повторяя:

— Ионакова, Ионакова.

— Что он говорит?

— Чорт его знает. А, впрочем, вспомнил: „Ионакова“, ведь это какой-то курорт около Хакодате. В нем еще, кажется, товарищ Иоффе лечился перед землетрясением, помнишь!?

— Так что ж, значит, трамвай идет в Ионакову, и кондуктор предлагает

взять туда билет. Возьмем и посмотрим, что за Ионакова такая, а кстати и от сыщика отделаемся окончательно. Не пойдет же он за нами на край света.

— Правильно! Поедем...

Мы взяли билеты до Ионаковы.

За окнами вагона потянулись центральные улицы Хакодате. Мелькали один за другим трех-четырехэтажные каменные дома в европейском стиле. Громадные зеркальные витрины магазинов, наполненные все товарами Америки и Европы, лучшими шелками, мехами, драгоценностями. По асфальтовым и бетонным тротуарам разгуливала толпа японской буржуазии—мужчины, одетые в английские костюмы, макентоши, пальто с соломенными шляпами и котелками на головах и женщины с причудливыми громадными прическами, в роскошных шелковых кимоно и богатых, прекрасной работы, атласных таби на ногах. Масса автомобилей, трамваев и рикш, на которых в легких лакированных колясках важно сидят, развалившись и курия сигары, дородные, толстые японцы, которые не выходят из коляски даже тогда, когда дорога круто идет в гору, и рикша везет, едва передвигая ноги и обливаясь потом. За этими центральными улицами незаметно промелькнул маленький квартал, застроенный небольшими, но солидными особняками, какой-то смешанной и довольно оригинальной японо-европейской архитектуры. Здесь помещаются конторы и отделения крупнейших европейских, американских и японских банков и торгово-промышленных фирм. И

этот, кажущийся таким маленьким и незаметным, квартал особняков является центром, из которого управляется и Хакодате и почти вся Северная Япония.

За центральной частью города пошли улицы средних и мелких торговцев и мещанства—японского бюргерства. Они застроены легкими, японского типа, одно-двух-

глаза, рисунками и путанными иероглифами. Все улицы этой самой торговой и шумливой части Хакодате чуть не сплошь завешаны такими вывесками-флагами, отчего они имеют удивительно веселый и колоритный вид.

Но вот вывесок-флагов становится все меньше, почти сплошная толпа, заполняющая улицы, все

За центральной частью города пошли улицы средних и мелких торговцев

этажными деревянными домиками, в каждом из которых, в нижнем этаже помещаются магазины и мелкие лавчонки. В них нет европейских товаров. Эти магазины заполнены мелкими кустарными безделушками и дешевыми предметами домашнего обихода и одежды, предназначенными для среднего, незажиточного покупателя. У каждого из таких магазинов, вместо вывесок, на бамбуковых шестах прикреплены разноцветные, матерчатые полотнища с яркими, бросающимися в

больше и больше редееет. Трамвай проходит рабочие окраины. Улица превращается в пустынную и грязную с редкими, бедными постройками и какими-то бесконечными заборами и пустырями. По дырявым, дощатым мостовым плетутся усталые японцы - рабочие, одетые в грубые синие кимоно с огромными белыми буквами на спине—знаком предприятия, в котором работают. Изредка попадаются закованные, неуклюжие фабричные корпуса, с дымящимися высокими

трубами. Постепенно и эти рабочие улицы как-то расплываются, а пустыри и заборы все увеличиваются. Редко, редко покажется полуразвалившаяся лавчонка-харчевня с одним—двумя посетителями, жадно уплетающими вареный рис—„маму“ и хрустящую горько-соленую японскую редьку.

Трамвай совсем вышел в поля, за которыми впереди показалась довольно большая и густая роща.

Вагон подошел к ней и остановился.

Пробежал кондуктор, крича:

„Ионакова“.

— Приехали.

Было уже поздно, и солнце совсем низко склонилось к горизонту.

Мы вышли из вагона и осмотрелись кругом,—нет ли нашего почтенного сопровождающего.

Но нет. Его не было видно. Значит, отделился.

Впереди, перед нами у входа в рощу были расположены красивые резные ворота-арка.

Мы вошли в них.

От ворот радиусами во все стороны расходились ровные аллеи, проложенные среди голубых японских сосен. Сквозь чащу деревьев протекали ручейки, над которыми облаками клубился пар. Это теплые источники. В глубине аллей под мохнатыми ветвями сосен виднелись легкие домики дачного вида.

Мы направились к одному из них.

Через несколько минут ходьбы перед нами была легкая нарочито-японская постройка, окруженная красивым садом и цветником. Во дворе, под стеклянным оригинально изогнутым навесом выдавали себя

клубами белого пара два больших бассейна, наполняемые водою источников.

Из отеля к нам вышел японец, говорящий по-английски, и пригласил нас войти в гостиницу, сообщив, что за две иены в сутки мы можем пользоваться комнатой, купаться в бассейне и принимать солнечные ванны на веранде, выходящей в оранжерею.

Мы согласились, вошли в дом и через полчаса уже были в комнате этой японской курортной гостиницы.

Как необычайно показалась нам по сравнению с нашими жилищами эта комната. Ее стены составляли скрепленные друг с другом циновки, сделанные из рисовой белой соломы и вставленные в рамы из черного дерева. Одна стена—внешняя—представляла из себя почти одно сплошное окно, выходящее на веранду и закрытое соломенными шторами. Посредине комнаты стоял низкий, всего в поларшина вышиной, круглый резной черного же дерева стол с полдюжиной соответствующих ему миниатюрных скамеечек. Перед столом была врезана в пол бронзовая грелка, наполненная горячими угольями и заменяющая собою печь. (Ни в одном чисто-японском доме, кроме таких грелок, ни печей, ни какого-либо другого отопления не существует.) Кроме стола со скамейками и грелки, ничего напоминающего европейскую обстановку в комнате не было.

Присмотревшись и освоившись со всей этой необычайной обстановкой, мы переоделись в японские

кимоно и пошли купаться в бассейне.

Выкупавшись и поужинав, мы улеглись спать (завтра нужно было рано вставать, чтоб не опоздать к отходу парохода) на разостланные прямо на полу толстые ватные одеяла, заменяющие японцу и кровать и постель.

Несмотря на наши наилучшие пожелания, проснулись на другой день мы все-таки поздно. Часы показывали девять, а пароход отходил в десять с половиной. Осталось всего полтора часа, которых едва хватало бы лишь на то, чтобы добраться во-время до парохода.

Придя к такому плачевному выводу, мы моментально оделись и вызвали хозяина отеля, чтобы расплатиться. Он пришел, и мы начали торопить его с расчетом.

— А куда вы так торопитесь? — спросил он.

— На пароход, который через полтора часа отходит.

— Разрешите спросить, куда он идет?

— В Отару.

— В Отару? Так почему же вам не проехать туда по железной дороге. Из Хакодате в Отару ходят поезда и вы можете проехать и гораздо быстрее—вы обгоните пароход почти на сутки.

— А когда отходит поезд?

— Через три часа.

— Ол-райт! *) Идея. Мы так и сделаем. Это будет гораздо интереснее, чем тащиться опять на том же пароходе.

---

*) Ол-райт—английское выражение—хорошо, прекрасно.

Времени оставалось много. Мы перестали торопиться и решили на прощанье с Ионаковой выкупаться еще раз в теплом бассейне.

Возвращаясь с купанья и фантазируя о предстоящей поездке через Хоккайдо по железной дороге, мы вдруг заметили в конце длинного коридора японца, одетого по-европейски, лицо которого казалось знакомым.

— Да это тот сыщик?

— Да, он.

Японец быстро скрылся в какой-то двери, мы не менее поспешно вбежали в свою комнату.

— Вот так история! Что же делать?

— Утекать, пока не поздно.

Через две минуты мы уже были в аллее, выйдя из гостиницы ни кем незамеченными. Аллея казалась бесконечно длинной, и мы бегом мчались по ней, ежесекундно оглядываясь. Вот уже и ворота. Прошли через них. Трамвайная остановка. Оглядываемся еще раз на аллею. В конце нее фигура японца в английском пальто и кепи.

— Он.

Трамвая нет, но у остановки дежурят несколько автомобилей. Подбежали к одному из них. Шофер японец. Не понимает ни по-русски, ни по-английски.

Повторяем ему несколько раз.

— Вокзал, вокзал, пароход. Но ничего не выходит. Прибегаем к помощи жестикологии и мимики.

— Понял.

Вскакиваем в крытую кабинку.

Мотор заработал.

Поехали.

IV. ХАКОДАТЕ—ОТАРУ

Автомобиль остановился у вокзала.

— Улепетнули?

— Кажется.

Часовые стрелки показывали одиннадцать сорок. Значит, пароход уже ушел.

До отхода поезда оставалось семнадцать минут.

Прошли в зал первого класса.

Над одной из стен над окошечком медная начищенная доска с надписью:

„Kassa I—II kl.“

Полходим.

За окошечком японец в больших роговых очках.

Просим два билета до Отару.

Японец что-то мычит, встает, но билетов не выдает.

— Вот так фунт. И пароход ушел. Красивое положение...

— Очень красивое. Но все же унывать пока еще не стоит. Пойдем к начальнику станции.

До отхода поезда девять минут. Разыскиваем кабинет начальника станции.

Нашли. Начальник станции—симпатичный японец. Говорит по-английски.

— В чем дело?

Объясняем.

— Да, конечно. Вы сможете ехать и имеете право получить билет. Это недоразумение. Кассир, вероятно, не понял вас. Я сейчас напишу ему записку.

С этими словами японец передал нам клочок бумаги.

Два звонка.

Летим к кассиру.

Едва взглянув на записку, он моментально выдает билеты.

Проходим на перрон.

Три звонка.

Мы вскакиваем в последний вагон.

Поезд трогается.

В вагоне далеко не тесно. На сверкающих чистотой полированных скамейках сидят полтора десятка японцев и японок. Внимание всех пассажиров сейчас же приковывается к нам: видно, в японских поездах европейцы, а, в особенности русские, не часты.

Но через полчаса внимание японцев к нашим персонам ослабло, и они вновь принялись за прерванные разговоры.

Поезд пошел полным ходом.

Нас со всех сторон окружили высокие горы, покрытые густым лесом из японских сосен и елей.

Изредка попадались мелкие станции, как бы втиснутые в скалы. Миниатюрные здания вокзалов, обязательно строго выдержанные в японском стиле, вместе с разбитыми перед ними садиками, казались на фоне этих массивных гор блестящими елочными бомбоньерками.

Часа через четыре горы стали более низкими и ровными и постепенно сошли на нет. Поезд вошел в широкую длинную равнину.

Станции стали чаще и оживленнее.

Иногда поезд встречали целые толпы японцев и японок в пестрых летних костюмах.

Сплошной линией тянулись большие деревни, за которыми были видны рисовые поля и огороды.

На окраинах этих деревень часто дымились какие-то фабрики, окруженные неуклюжими постройками рабочих казарм.

На простирающихся во все стороны сочных лугах, паслись большие стада рогатого скота.

Но вот местность снова начала изменяться. Равнина становилась все более и более волнистой и переходила во все более и более высокие холмы.

Через несколько часов нас снова окружили горы. По темным горным ущельям протекали речки и шумели водопады.

Поезд шел быстро.

Расстояние между Хакодате и Огару невелико.

Замелькали стрелки. Колеса за-тархтели по переведенным рельсам.

Шипение, тормоз и... мы перед вокзалом.

В Огару нас встречает нарядная толпа. Женщины, в ярких нарядных кимоно, машут цветами, платками, встречая своих родных и знакомых.

В вагоны полезли со всех сторон носильщики в своих синих костюмах с красными околышами фуражек.

Выходим из вагона.

Внимание возбужденной от встреч толпы переносится на нас.

Долго провожают глазами, шепча что-то друг другу.

Зал первого класса.

На стенах, отделанных цыновками, с птицами, хризантемами, чайными деревьями и бамбуковыми хижинами, висят картины в черных рамах, рисующие вулканы, моря, джонки и другие красоты Японии.

На длинных зеленого бархата диванах, со спинками из рисовой, тщательно выработанной соломы, сидят японки, поджав под себя ноги, с наманикюренными ногтями, напминающими розовый жемчуг, с громадными лоснящимися прическами, украшенными гребенками с десятками блестящих камней. Тут же, в роговых очках, тщательно выбритые, закрывая себя газетами и журналами на японском и английском языках, японцы. Около них новенькие желтые саквояжи и чемоданы. Посредине играют дети.

Из буфета несетя пряный запах кушаний, острый, но ничего не напоминающий нашему европейскому вкусу.

К нам подбегает в темном шелковом кимоно, в золотых очках японец, предлагая свои услуги по ознакомлению с достопримечательностями города.

А... узнав, что мы русские, как лисичка, рассыпался перед нами в комплиментах.

Мы знали, что таких людей можно встретить в Японии на каждом шагу — поэтому отказались. Но для того, чтобы не упустить двух ценных для него объектов, он предлагает автомобиль.

Переглянувшись, соглашаемся. Форд зашипел, и перед нами понеслись длинные шеренги рикш, целые кварталы магазинов, с фруктами, пряностями, безделушками, открытыми чуть не круглые сутки.

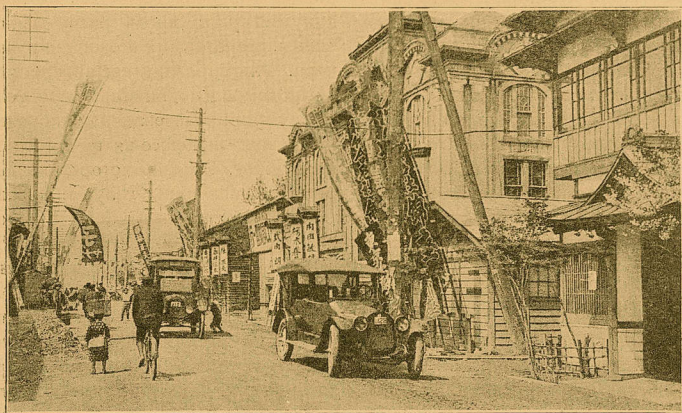
Наш мистер-японец очень разговорчив: говорит о городе, о Японии, но вместе с тем и старается вытянуть от нас о политическом и экономическом состоянии Дальнего

Востока, рассказывает, что был когда-то в дальневосточном университете. Тонко задает вопрос: „много ли военных частей, какие части и военные суда стоят и куда ходят из Владивостока“. Мы, поря ему всякую ерунду, стараемся держаться с ним так же, как и он с нами.

стулья, зеркала, цыновки изящной работы, картины с теми же вулканами, хризантемами и птицами, и окна на шумную, вечно говорливую и кричащую улицу.

Наш спутник, прощаясь, просит разрешения зайти позже, когда мы отдохнем. Мы, как видно, ему очень понравились: он просит написать в

Через четверть часа автомобиль останавливается

Через четверть часа автомобиль останавливается.

Подбегают, шлепя деревянными таби, бои. Подхватывают наши вещи и предлагают заменить ботинки сандалиями тонкой и изящной работы из соломы.

Мы поражены, но этого требует порядок.

Переобуваемся, — наш спутник, по длинным коридорам с легкими досчатыми стенами и бесчисленным количеством стекол, провозжает в номер.

Столик, невысокие бамбуковые

его блок-ноте наши имена, фамилии и российские адреса.

„Буду очень рад с вами переписываться“.

Прощаемся.

V. ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК В ОТАРУ

В комнату постучали; после нашего окрика вошел японец в форменной фуражке с хризантемой, и в легком плаще. Раскланявшись, представился.

„Начальник полиции Отару“.

Приглашаем сесть.

Подозрительно оглядывает нашу

комнату, как бы ища большевистскую заразу, а вместе с этим:

— Куда вы едете? кто такие? ваши заграничные паспорта? долго ли будете жить в Отару? что вас интересует? и... чем могу быть полезен, да не забудьте, что сегодня у нас начинается в 12 час. дня весенний праздник.

Вспомнив, что пора и честь знать по отношению к желудкам, переходим вместе с начальником полиции, мистером Киото, в ресторан. После бесчисленных порций всевозможных японских блюд, их действительно очень много, но они малы по объему, Мистер Киото из-за соседнего столика приглашает к нам одиноко сидящего человека с широким смуглым лицом, одетым по-европейски, плотно сложенным, великолепно владевшим и русским и английским языками.

Знакомит. Разговор пересыпается анекдотами, шутками нашего нового собеседника, чрезвычайно интересующегося положением в Сов. России; знает Катаямэ, говорит, что хорошо знаком с ним и в доказательство показывает визитную карточку на японско-английском языке.

КАТАЯМА

Профессор Токийск. Университета

Но скажи мы хоть слово о том, что знаем Катаямэ, нас бы пригласили туда, где раки зимуют—лишнее слово—это риск.

Ямакава—как назвался нам новый знакомый—посмотрев на часы, сообщает, что праздник уже начался и пора выходить на улицу.

Простившись с м-ром Киото, отправляемся.

От шума и гвалта кружилась голова, пелитрит в глазах.

Желтые, зеленые, розовые и ярко-красные кимоно женщин смешались с серыми, белыми и коричневыми парадными костюмами мужчин.

Улицы завешаны тысячами фонариков, то переплетающихся по легкому ветру, то вновь распутывающихся, трепетавших в ожидании вечера. Флаги реклам свешивались с крыш домов и поднимали пыль улиц, между ними развевались национальные флаги—красные пятна на белом полотнище. В разные стороны шныряли рикши в синих, голубых и желтых трусиках, в широкополых соломенных шляпах, на легких лакированных экипажах, перевозивших из одного конца города в другой дам и их дочек, с лицами, отделанными десятками косметических средств, покрытыми легкими вуалями. Тут же летели с звонким ревом форды.

Мы шли на главную улицу праздника. Она выстроилась в течение двух недель, перед ним здесь были целые кварталы театров, зверинцев и десятки мелких лавчонок, наполненных дешевыми сладостями и фруктами.

Наконец, вдали раздался звук трубы.

— Праздник начался,—сказал наш спутник,—этот сигнал дает городской голова.

Вдали замелькали на лошадях цветными украшениями и металлами под золотом всадники.

— Они изображают самураев, спасителей нашего государства от ига иноземцев,—объяснял спутник.

За ними шли вереницей несколько десятков людей, одетых в длинные белые халаты с широкополыми шляпами, обрезанными спереди.

— Это монахи из близлежащего монастыря. — Впереди шел в таком же облачении, но с десятками всевозможных орденов, глава этого монастыря. Все шли с широкими, сытыми, лоснящимися лицами.

— А как у вас монастыри и вообще религия — поддерживаются правительством? — Как же, ведь они не могут работать, они призваны молиться за народ, поступают частые пожертвования, но они мизерны, поэтому государству приходится заботиться об их благосостоянии, — ответил мистер Ямакава.

— Семка, посмотри на их рожи! — Вот так это благосостояние! Ни у одного японского рабочего такой физиономии не увидишь, — шепнул мне мой друг.

Процессия все росла — за монахами появились носилки, украшенные цветами, с сидящими там членами гор. думы. За ними с опахалами из цветных перьев шли, обвевая их, мальчики. Загремел оркестр древне-японских инструментов. Со всех сторон полетели крики приветствий; процессия галдела и двигалась, окружая квартал за кварталом, как пестрая змея. В хвосте зашевелился бумажный дракон, окруженный громадными бумажными фонарями.

Театры уже работали. На балконах, совершенно открытых с улицы, гримировались и переодевались артистки и артисты. Из-за занавесей, отделявших сцену и зрительный зал от улицы, зазвенели голоса гейш. Около входов брякали де-

ревяшки, заменяющие билеты, и раздавались крики кассиров, зазывающих публику.

В одном из зверинцев выходит человек с обвившими его тело змеями и, показавшись, вновь пропадает за занавесками. Это живая реклама. Кричат, надрывая глотки, газетчики, выкрикивая последние новости.

У одного театра, среди выходящей толпы замелькали, напоминающие поварские колпаки, белые шапки английских матросов, одетых в темно-синие суконные костюмы.

Один из них заметил нас.

— Камрад! гут морнинг, рашен камрад!

Отвечаем на приветствие.

Расспрашивает: откуда? как? куда? — рад видеть европейца вдали от Европы.

VI. АНГЛИЙСКИЙ БОКС И РУССКИЕ КУЛАЧКИ ПРОТИВ ЯПОНСКОГО ДЖИУ-ДЖИЦУ

Мистер Ямакава, чтобы не потерять нас из виду и обиженный невниманием к его персоне со стороны англичан, тащит нас в стору. Англичанин просит зайти с ним и его компанией в кафе послушать гейш.

Нас от японца освобождает начальник полиции. Проезжая мимо, раскланявшись, он подзывает к себе м-ра Ямакава, долго что-то говорит с ним, указывая в нашу сторону, потом, простившись, оставляет нам свою визитную карточку с приглашением на чай. М-р Ямакава куда-то спешит. Мы, соединившись с англичанами, толпой двигались на одну из отдаленных улиц города, похожую больше на сквер.

Гостеприимные двери кафе были открыты. Гейши встретили нас веселой японской песенкой.

Вместе с пивом полились рассказы о службе на английских судах. Рассказывали, что пароходные компании стараются европейскую рабочую силу на пароходах заменить рабочими желтой или черной расы, которой можно платить в два, а и иногда и три раза дешевле. С неграми, малайцами, индусами и китайцами легче говорить с палкой и заставлять больше работать.

В самый разгар разговора вошел японец, в котором мы узнали встретившего нас на вокзале, присел в нашу компанию, долго слушал, потом начал подделываться под тон.

Ребята заметили, переглянулись.

Японец предложил шопотом выпить пива за будущую мировую революцию, потом за революцию в Японии и Англии.

Подвыпившие англичане запели революционную песенку, японец подтягивал. Мы, наблюдая, дали знать одному из англичан, чтобы тот сдерживал товарищей. Японец, присматриваясь, что-то записывал на этикетке от бутылки, потом, быстро и незаметно сплавив ее в карман, собрался уходить.

Под всевозможными предложениями он просил выпустить его из нашей компании. Поняв в чем дело, англичане вынули кастеты, поднеся их к физиономии японца.

Надвигался вечер. Загорались огни. Праздничная публика сидела в кафе. Выждав подходящую минуту, мы обменялись с англичанами записками: „пора итти“. После на-

шего кивка головой, встаем и вываливаемся на улицу.

За отдаленностью от центра, улица почти пустынна, освещена только окнами и дверями домов. Вместе с нами вышел и японец. Повернув в один из темных переулков, ведущих ближе к порту, мы услышали легкий свист. Сначала не обратили внимания, потом, когда раздался топот десятка ног, гулко зазвучавших по темной улице, мы насторожились. Кастеты в карманах. Вот уже замелькали впереди силуэты. Встретились; из группы в восемь человек, одетых в шляпы, легкие защитного цвета пальто, с темными очками на глазах, выделяется самый рослый, здоровый японец, говорит, смешивая английские и японские слова: „маты, маты“.

Остановливаемся, вынимает бумажку: ордер на арест. Нас быстро окружают со всех сторон, зазвенели готовившиеся наручники.

Набрасываются по знаку, как видно главного, на нас, пускают в ход приемы джиу-джицу, но не тут-то было. Гулко в тишине раздался удары, хряск костей, стоны; заболела голова, под ударом упал. Повернув кверху спиной, надевали наручники. Ребята, расправившись с фашистами, подошли ко мне, быстро сорвали наручники, схватили на плечи и бросились бежать.

Вдогонку раздалась свистки.

По одной из улиц летел автомобиль, останавливаем; оказывается свободен.

— Дозо кудасай порт полис.

— Ероси,— послышался ответ,— и шелестя шинами, режа ноч-

ную тьму светом фонарей, мы быстро двигаемся к центру. Он горит тысячами фонарей, озаряющих темное небо. Из театров выходят толпы людей, тающих, скрываясь в других театрах. По тротуарам тренькают таби японок своими деревянными, высокими, как французские каблучки, шипами.

В автомобиле тихо, ни слова, как после ожесточенного боя.

Мы летим уже по людным, переполненным улицам, толпы расступаются, а вот уже и порт.

Быстро выбегаем, расплатившись, из автомобиля. Садимся на дежурный ночной катер.

С середины бухты видно, как из полицейского управления, озаряющего огнями воду гавани, вылетают силуэты, пропадая в темноте. Вот и прожектор прорезывает своим лучом тьму, ища неблагоприятных беглецов.

Катер проходит между десятками ущелий, — это, как скалы, стоят парходы.

Сердце бьется сильнее, гудит голова, сильнее чувствуются пережитые удары, но цель близка, — она заглушает боль.

Мы уже у трапа.

Вносим из катера по трапу, с помощью вахтенного англичанина, всего в крови Семку.

VII. ЧЕРЕЗ ТРЮМЫ И БУНКЕРА *)

На пароходе помещаться постоянным воспрещается, поэтому англичане провожают нас по трапам в трюм, уже наполненный всевоз-

можным ящиками и тюками. Появляется электрический фонарь. Семку перевязывают. По верхней палубе раздается топот десятков ног, — это явилась портовая полиция.

Вбегает вахтенный.

— Проверка команды.

Нас снабжают консервами, галетами, заваливают тюками и уходят.

Темно, пищат крысы все ближе и ближе, чувствуя запах продовольствия, запасенного для нас на несколько дней.

— Семка, куда идет пароход?

— А чорт его знает, лишь бы не попасть в лапы полиции.

— Ну, ребята хорошие, выручат.

Топот на палубе то усиливался, то пропадал.

Раздался сигнал парохода. Где-то за железной стенкой загудело, застучало, запыхтело.

— Неужели пошли, а куда?

— Что будет, то будет, — не вылезать же на берег.

За бортом забулькала вода, загудели вентиляторы.

— А что, если, в Индию?

— Нет, что ты, из Японии нечего везти туда.

— А может в Америку?

— Ну и что же, пропадем, что ли? И тут и там есть комсомольские организации. Помогут, не содохнем.

— Есть ребята принесут — дотянем до первого порта, а потом — айда в Совроссию. В Москве, наверное, беспокоятся, что давно не пишем.

Долго не спалось.

Бока резали доски ящиков. Тюки, перетянутые железными обручами, напоминали постель из десятка сло-

*) Бункера — угольные ямы.

женных параллельно друг к другу поленьев. Дрались с визгом крысы.

Вверху что-то ревело, пароход бросало, ящики скрипели, какая-то бочка каталась по неровной поверхности загруженного трюма.

Было темно. Через щели люка капала вода и лезла стрелка света.

— Нет, где мы? Что это? Наверное, шторм.

Бока ныли. Пароход иногда дрожал, по верхней палубе прокатывались как будто лавины.

Лежа, долго молчали: каждый вспоминал, отчего были синяки на теле, почему перевязаны головы и... вчерашнее.

Из темного угла слышались шаги.

— Живы...— эхом отдалось по темному трюму. С бледно мерцающим фонарем к нам продвигался, лавируя между нагроможденными товарами, в синей робе, с физиономией, запачканной угольной пылью, смешавшейся с потом, Нельсон, один из наших вчерашних.

— Не травите? *), вель за бортом шторм, вишь, как бросает,— и он, еле удерживаясь от качки, присел к нам.

— Шамать есть что?

Он нам напомнил, что мы голодны

— Тяжело сейчас на вахте, в котелке душно, все закрыто, вентиляторы нельзя поставить против ветра,— ворочает, в бункерах пыль стоит— дышать нечем, еле вахту отстоял. Команда вся знает, что вы здесь, да боятся итти: капитан узнает, нагорит. Как-нибудь уж по-

сидите. Через пять дней будем в Петропавловске.

— Где?

— На Камчатке.

Мы переглянулись на радостях.

— А теперь, ребятки,— кто я такой. Русским можно верить, не выдадут, и он полез в один из бесчисленных карманов, наполненных сеткой, концовками и всевозможными бумажками.

— Смотрите!

Перед нами красная миниатюрная книжечка с надписью: „International Klub“.

Мы познакомились, показавши и свои документы.

— Комсомолия... И у нас есть комсомольцы,— даже два, только нелегально: капитан узнает, выгонит. Боцман следит у нас за этим. Есть его прихлебатели и в команде, чуть слово — сейчас спишут. А в море узнают, в бункер засадят первого английского порта. Тяжело, ребятки, работать не только на судах, да и вообще в Англии. И компартию и комсомолию преследуют. Ну, а теперь пока будьте здоровы. А чтобы не тошнило вас от качки, принесу скоро лимонов. Нужно отдохнуть, да и на вахту опять.

И так четыре дня с штормами и штилями шел англичанин от берегов Японии к берегам советской Камчатки.

Из команды носили чифан. Книжонки читали, когда было можно зажигать фонарь. Раза два комсомольцы даже притащили в котелках и кастрюлях что-то горячее: суп и какие-то котлеты.

Машина все шумела и стучала.

Плескалась вода за бортом, кры-

*) Не травите?— не тошнит?

сы, привыкнув к нам, ели прямо из рук сухари, мясо и печенье, которые приносили из команды.

Как-то, когда мы уже спали, пришел Нельсон.

— Пора перебираться. Завтра будем в Петропавловске. Откроют трюм, будут выгружать — надо устроить вас побезопаснее.

И вновь по трапам на палубу, к свежему воздуху, по коридорам двигались мы в непонятные нам бункера. Мельком взглянули на горизонт — зарево. Это действующий вулкан — одна из сопок Камчатки.

— Скоро будут бить склянку. Спешим, ребята, а то заметят.

И мы начали спускаться по горячему металлическому трапу над котлами, туда вниз, где, как муравьи, боролись с огнем и направляли его под громадные неба топок кочегары, голые, распаренные жарой, в одних синих замасленных брюках.

Опять темные и душные кори-

доры, а вот и бункера. В них ведет небольшое квадратное жерло. Спускаемся. Душно и жарко.

— Потерпите, ребята. Немного осталось, — успокаивает нас Нельсон.

Устраиваемся на гудах блестящего антрацита. Грязно и душно, но удобнее, чем на тюках и ящиках. Можно сделать даже и подушку, — успокаиваем мы себя мыслью, — и веселей. Через каждые два часа можно вылезать из-под железных тачек, где мы укрываемся от посторонних глаз, часто заходящих сюда механиков, измеряющих остатки угля и ругающих угольщики за как-будто непроизводительную работу.

Полежим под тачкой, побегаем по громадной металлической комнате, наполненной углем, и, как ужи, вновь обратно.

И так одни сутки.

Вечером будем на берегу.

Н. БАБАЕВ

ПО ВОЛГЕ НА ГИДРОСАМОЛЕТЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ АГИТПЕРЕЛЕТА МОСКВА — НИЖНИЙ-НОВГОРОД — КАЗАНЬ — УЛЬЯНОВСК (СИМБИРСК) — САМАРА — САРАТОВ — ЦАРИЦЫН И ОБРАТНО

Утром 28-го мая Москва постепенно скрылась, блестя на солнце своим „маяком“ — куполом храма Христа. Хотя долго еще на горизонте маячила дымка — дыхание Красной столицы.

В воздухе спокойно. Набираем высоту. Внизу причудливо извивается наша маленькая Москва-река, а особенно мала, узка она этак с тысячи полторы метров — совсем ручеек. Все придерживаемся „ру-

чейка“, чтобы во всякий момент можно было спуститься, — ведь наш „Юнкерс“ — гидро.

Коломна. Дымит завод. Москва-река отдаёт свои воды Оке. „Ручеек“ превращается в речку — нельзя еще с воздуха назвать Оку рекой. Она также прихотлива в своем течении — делает зигзаги, петли, — но все же неуклонно стремится на северо-восток, чтобы слиться с Волгой.

Рязань. Видно уже на реке кипучую жизнь — пароходы, баржи, пристани.

Муром. Поредели значительно когда-то славные Муромские леса.

Недалеко уже и Нижний. Пристально смотрю вперед — вот-вот покажется Волга. Блестит на горизонте полоса воды, летчик оборачивается и улыбается.

— Скоро конец полета. Первый этап — Нижний-Новгород.

Ровно через 4 часа после вылета из Москвы садимся на Оке у Нижегородской ярмарки.

Бегут, спешат со всех сторон люди, окружают нас. Расспросы: кто, откуда, зачем? Отвечаю. Затем прикрепляем машину и ждем представителей местного ОДВФ.

Приходят товарищи из ОДВФ, передаем им необходимое и приговляем машину для дальнейшего пути. В Нижнем остановиться должны на обратной дороге.

На другой день утром дальше — в Казань. Теперь уже под нами „река“. Широкая, полноводная красавица Волга, не чета Оке и Москве-реке, не „играет“, как они, в своем течении зигзагами, петлями, а течет спокойно в сознании своего величия. Масса воды и не только в широкой Волге, а и далеко на левом берегу — не успело еще солнце скрыть следы весеннего разлива. В воздухе побалтывает, так что непривыкший летать пассажир, взятый в Нижнем, чувствует себя не особенно важно. Голоден он — разложил колбасу, хлеб — есть же не может. Вот муки Тантала своего рода, даже лишился своего любимого удовольствия — не может ку-

рить. Завтракаю, передаю летчику и механику, которые подсмеиваются над муками нашего пассажира; не завидую и я ему.

Дальше и дальше подвигается наш самолет. Появляются приволжские села. Большие, не меньше уездных городов севера России. По Волге плывут баржи, буксиры, иногда появляется красавец пассажирский пароход. Но как медленно идет он, если бы не зыбь на воде, казалось бы стоит на месте.

Быстро обгоняем. Появляются облака. Близок полдень, болтанье сильнее, пассажиру не по себе. Наконец, вдали Казань — с каким облегчением вздохнул наш пассажир. Делаем несколько кругов. Так как Волга верст семь от города, то опускаемся на озере Кабане.

Сейчас же со всех сторон окружены. Масса ребят, с которыми трудно справиться, так и лезут на самолет. Один подросток с серьезным видом говорит: „А как жалко вас было. Мы думали аэроплан испортился и падает на воду. Мы уже лодку приготовили — спасать вас. Но вышло по другому — аэроплан-то и по воде двигается, да так, что нашим пароходам не угнаться“. Объясняю, что самолеты могут спускаться не только на землю, а и на воду — как наш. Тогда самолет называется гидро.

Однако, народу все больше и больше: весь берег, вся набережная усеяна людьми. Тесно. Трудно образовать кольцо около самолета. Добровольцы из публики устанавливают порядок. Пассажир наш повеселел, уписывает за обе щеки, закурил. Приходит милиция, сдаем

ей самолет. Толпа все больше и больше.

Два дня нашего пребывания в Казани, где происходили полеты с пассажирами, собирали тысячные толпы зрителей. Агитируем среди них. Объясняем. Приходят экскурсии пионеров, рабочих. Вечером митинг. Так как много татар—появился переводчик. Мощно раздаются лозунги: „Да здравствует Красный Воздушный Флот! Все в члены ОДВФ!“

Но пора и дальше, еще много городов нужно облететь. Вылетаем рано утром 2/VI в Ульяновск. Погода неважная. Низкие облака. Идем на высоте 500 метров. Эта незначительная высота позволяет лучше познакомиться с необъятной Волгой. После слияния с Камой Волга еще шире, еще полноводнее. Сёл больше и больше, да и размеры их увеличиваются. Кругом зеленеют поля. Леса совсем пропали — иногда только кое-где покажутся незначительные кудряшки лиственного леса. А там опять поля и вода, масса воды. Как будто со всей РСФСР скопилась вода и, в своем продвижении ранней весной, затопила ложбины и осталась так дожидаться ярких лучей солнца.

Солнца сегодня почти совсем не видно, чуть-чуть только появятся яркие пятна на земле, а потом опять тень. Очевидно, скоро будет дождь.

И правда, дождь недолго заставил себя ждать: полосы его окутали наш самолет. Нам, сидящим в кабине, — хорошо — мы защищены, летчик же и механик морщатся, — капли изрядно режут лицо.

Смотрю, как ветер срывает воду

с крыла тоненькими струйками, тотчас же рассыпающимися в мельчайшие брызги.

Проясняется. Дождь прекратился. Солнце обрадовало землю своими лучами. Вдали мост, это Ульяновск — родина Ильича. Наш пассажир из Нижнего оживился — вдали его родной город.

Ульяновск под нами. Бросаем ливотки. Город небольшой, весь утопнувший в садах. Идем кругами на спуск, замечаем белый круг на земле. Мачта с флагами, мостки на Волге — место стоянки нашего гидросамолета, приготовленное ульяновским ОДВФ. Подходим к берегу. Опять толпы осаждают самолет. Пассажир доволен, все в порядке: ведь, он председатель ульяновского ОДВФ.

Опять экскурсии, митинги, пассажирские полеты. Летают все: и рабочие, и красноармейцы, и крестьяне, и пионеры.

Блестят глазенки у пионера. Как же, он сегодня герой — получил „воздушное крещение“. Сколько рассказов, вопросов! Как, не страшно? Дух не захватывает?

Вот выходит из самолета старичок-рабочий.

— Как, папаша? — Хорошо. Жалко мало. Ведь, всего десять минут каких-то.

Около самолета давно стоит и сосредоточенно смотрит мужичок в ярко-красной рубашке, в лаптях, с кнутом в руке, — наверное, зачем-либо приехал в город. Беру его за руку.

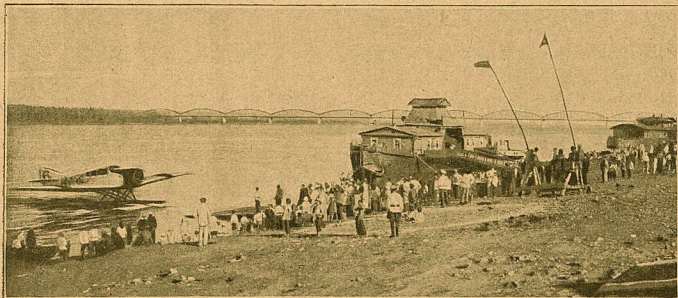
— Товарищ, садись в самолет, покатайся.

Вырывает руку, боится, отне-

кивается. Кругом смех, да еще мальчишка-пионер пристает:

— Э-э, а еще большой. Я вот и то не боялся.

Сейчас же пишем ему удостоверение. Счастливый, окруженный толпой, все еще не могущий успокоиться крестьянин, удаляется, рас-

Пристань в Ульяновске

— Ну ладно, так и быть, полечу. Садится, привязывается ремнями, а все еще в раздумьи, лететь или нет? Но вот дверца захлопнулась, мотор заработал—летит.

Выходит и улыбается во все лицо:

— Эх, хорошо, еще бы тыщу верст отмахал.

— А не страшно?

— Где там страшно. Хорошо.

— Так чего же ты боялся?

— Да мне дядя Микита наговорил с три короба; подъезжал ён сюда на лошади, еропланет-то и поднимись. Лошадь испугалась, понесла, дядя Микита в портки-то и... того... На земле испужался, а в воздухе-то и подавно.

Смеются.

— Ты теперь расскажи у себя в деревне, как летал.

— Рассказать-то расскажу, да кто мне поверит?

сказывая свои впечатления.

Еще картинка.

Подходят запыленные ребята с учительницей во главе—пришли в город пешком из села за 70 верст. Окружают, интересуются. На вопрос, почему летит самолет, учительница, не задумываясь, быстро отвечает:

— Он по закону Архимеда теряет в воздухе свой вес и летит.

Стараюсь замять эту чепуху, объясняю. Часть ребят летает. Счастливы сияют. Все обещают организовать у себя кружок по изучению воздушного флота. Подходят работницы тоже издалека, не видавшие не только самолета, даже парохода. Удивлены, как это человек додумался. Объясняю. Удовлетворены; говорят, что теперь думают серьезно призаняться, почитать книжек, теперь на

яву увидали. Одна пожилая работница даже заявила:

— Полетала, теперь и умирать можно.

Снова в воздухе, летим к Самаре. Правый берег выше и выше, скоро Жигули. Показываются меловые вершины, красиво выделяясь среди зелени полей. Целые обнаженные горы, котловины, маленькое кратера точно в панораме мелькают перед нами.

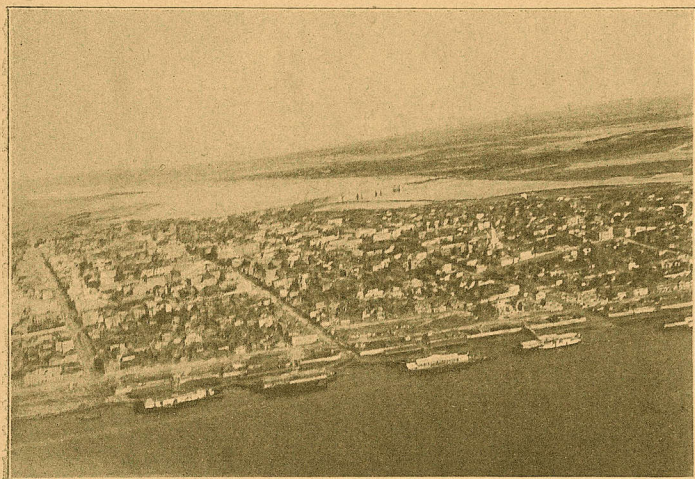
Но вот вдаль желтеет Самара. Вот две противоположности: Ульяновск и Самара; Ульяновск весь в зелени, Самара имеет один лишь сад на Волге.

юго-восток дает себя чувствовать. Три дня остановки — и дальше в Саратов.

Сызрань, невидимая из-за полосы дождя, окутавшего ее, Вольск, окруженный меловыми горами, и, наконец, Саратов — город, лежащий в ложбине.

Остановка. Полеты с пассажирами. Экскурсии. Митинг в Покровске — столице республики немцев Поволжья. Дальше — Царицын — ныне Сталинград. Полеты, экскурсии и назад.

22/VI | вылетаем обратно из Царицына в 3 часа утра. Остановка в Саратове.

Самара с воздуха

Нарушаем купание, подходим к берегу. Вся купающаяся публика в мгновение ока около, некоторые даже голышом. Становится жарко,

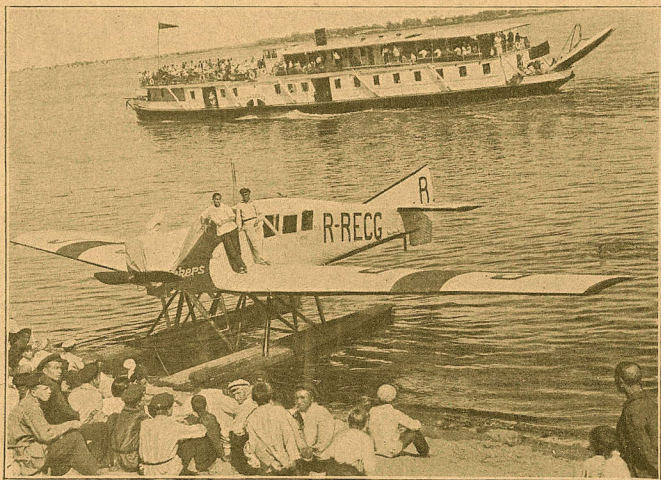
В этот же день дальше, в Ульяновск. По дороге — красивая картинка: дождь и радуга в виде правильного круга. Попадаем в град Не-

приятная история сидящим на открытых местах. Пересекаем луку Волги и, не залетая в Самару, в тот же день вечером садимся в Ульяновске. Расстояние Царицын—Ульяновск покрыли в 8 час., считая с кругами над городами. Остановка—и дальше.

До сих пор все шло хорошо, ни

Жмутся, наконец, после нескольких попыток подзвать—подхожу сам. Оказываются рыбаками и речными сторожами из ближайших деревень. На мой вопрос, почему же боялись подойти, отвечали:

— Да боязно что-то. Что за штука такая? Думали, с неба что-то падает. Да, нет, вишь, по воде

В Сталинграде (Царицыне)

малейшей поломки. Здесь же нам не повезло: по пути от Ульяновска в Казань поломался мотор. Спустились в глуши. Выбираемся. В почетильном расстоянии от нашего гидросамолета причаливают несколько лодок. Смотрю, что будет дальше. Высадились люди и остались на месте. Нам нужно поддерживать самолет у берега во время ремонта, и я кричу:

— Подойдите поближе! Помогите!

тоже бегают. Поговорили, да подумали: наверное, ероплант. Но почему же он по воде-то бегают, понять не могли. Про еропланты, что на землю спускаются, слышали; чай, многие на фронте были.

Прошу помочь. Охотно соглашались. Завязывается беседа. Выносятся пожелания,—хорошо бы в деревню на самолете прилететь, вот бы обрадовались! Ведь только по рассказам и знаем.

Мотор зашалил, приходится обратно возвращаться водой в Ульяновск. Прощаемся.—Не забывают нас в деревне, поскорей залетайте. Просят сказать в Москве, чтобы скорей прилетали.

Едем обратно по воде. Поломка. В моторе что-то стучит. На месте, в Ульяновске, узнаем причину. Два поршня не годятся.

Еду в Москву. Привожу новые поршни. Ремонт сделан. Опять Ка-

заны, Нижний и, наконец, 9 июля Москва.

За наш агитполет около 1000 человек получили „воздушное крещение“. Было совершено 252 полета. Перевезено 973 пассажира в 43 ч. 53 мин., плюс наши перелеты из города в город (35 ч. 35 мин.). Самолет пробыл в воздухе 79 час. 27 мин.; и за это время только одна поломка. Все это говорит, что техника подвигается все вперед и вперед.

ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН НА ЦЕППЕЛИНЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА ПЕРЕЛЕТА ZR-3 — „ЛОС АНЖЕЛОС“

10-е октября Отправление це- пелина назначено на 7 ч. 30 утра. Сбор к 7 ч. в ангаре. Лихорадочно одеваюсь, бегу, не опоздать бы!

Густая многотысячная толпа за- прудила аэродром—с трудом доби- раюсь до ангара.

Разочарование: вылет отложен на 48 часов—дирижабль перегру- жен, и нет возможности вывести его из ангара.

Два дня мы, все участники пере- лета, нервничаем, торчим бессмен- но на аэродроме, допытываемся: успеют ли?

Наконец, настает и 12-е. Серое, пасмурное, осеннее утро. Туман навис низко. Но это не удержало напора толпы на аэродром.

Пробираюсь сквозь человеческий океан, слышу восхищенно-почти- тельные замечания: „это один из них“.

В 6 ч. утра двери ангара откры- ты. Толпа колыхнулась. Мы поспе- шно входим в „летающий вагон“. Дирижабль выводят из ангара; еще

$\frac{1}{4}$ часа—начинают гудеть моторы и ZR-3 плавно пускается в свое историческое путешествие.

Восторженные крики толпы, ор- кестр играет на прощанье герман- ский гимн гиганту воздуха, рожден- ному гением Германии и перестаю- щему быть германским в этот миг. Быть может не одно немецкое серд- це сжалось болью в этот миг от- дачи чужестранцам этого корабля воздушного океана, но восторг пред достижением техники перевешивает узко-патриотическое чувство.

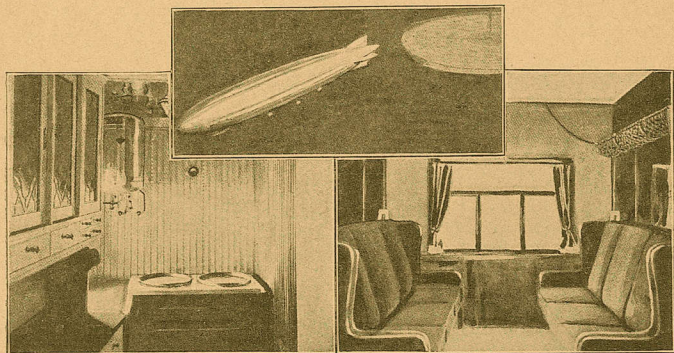
На несколько минут пред нами раскидывается аэродром, далеко внизу тысячи белых платочков, машущих нам... Но туман стано- вится густой пеленой между нами и землей. Мы над туманом, который кажется нам облаком, брошенным на землю.

Мы летим к западу, не видя зе- мли под этим сплошным туманом, окутавшим всю Германию. Только вершины высоких холмов торчали

из облака на подобие островов в море. Когда туман рассеялся, мы летели уже над Францией. Наш курс лежит на Бельфор, а оттуда на Бискайский залив.

ка не похожа на морскую и не вызывает морской болезни.

Но вот ZR-3 помчался над заливом вдоль побережья, и качка совсем прекратилась.

1) Снимок с аэроплана 2) Внутреннее устройство гондолы цеппелина, кухня 3) каюты

¶ Любуясь пейзажем внизу, мы не отрывались от окон, забыли об еде, об устройстве в своих купэ. В половине четвертого дня внизу раскинулась серебристо-синяя змейка: река Жиронда, впадающая в Бискайский залив; вдали заблестело преддверье Атлантики.

Только 9 часов понадобилось на перелет от Фридрихсгафена до Атлантики при скорости 60 миль в час.

★

Когда дирижабль летит над землей, ему приходится испытывать действие различных воздушных течений, чрез которые проходит воздушное судно.

Мы летели низко над землей, в 500—1000 футах, и „качка“ давала себя чувствовать. Впрочем эта кач-

ка в 4 ч. сменили вахтенных, и вся смена легла спать, чтобы набраться сил пред ночным дежурством.

Вечер спустился на спокойное море при ясном небе. Мы держим курс на мыс Финистер, но сумерки осеннего дня спустились раньше, чем нам удалось увидеть испанское побережье. Тем не менее до 7 часов вечера мы терпеливо и упорно дежурили у окон.

Наконец, голод дал себя чувствовать: за весь день мы питались только бутербродами, запрятанными в карманы пиджака.

Я и доктор Экнер отправились в столовую обедать. Снова началась легкая качка. Мы бросились к окну: внизу, при ярком лунном свете плыли под нами утесистые берега Испании. Еще через $\frac{1}{2}$ ча-

са маяк мыса Эстакада остался позади, и курс наш был направлен на Азорские острова.

Обедали мы с аппетитом, оживленно обмениваясь впечатлениями. Обед, приготовленный на электрической плите, казался превосходным. В то вечера я попал на вахту и любовался и лунной ночью, и факельными бомбами, разрывавши мися позади нас на тысячи огней. Их бросали для более яркого света при перемене курса.

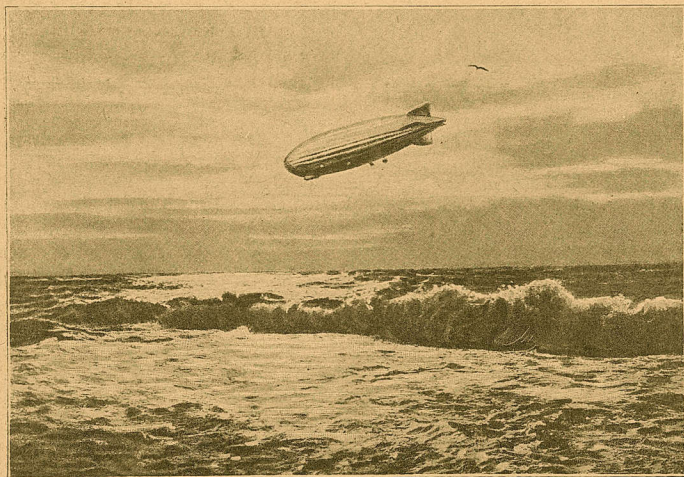
Сменившись с вахты, я с наслаждением растянулся на своей койке и мысленно похвалил себя за пред-

несколько теплых одеял и улегся на них с удовольствием.

Проснулся я 13-го рано—около 7 ч. утра—выглянул в окно: под нами плавно рассекал волны английский пароход, шедший из Америки. Мы справились по радио о местонахождении и узнали, что уклонились на 60 миль к югу от предположенного курса.

С парохода нас приветствовали самым горячим образом: все население его высыпало на палубы полюбоваться воздушным кораблем.

Около полудня вдали вырисовыва-

Цепелин ZR 3 над Атлантическим океаном

усмотрительность: внутренняя отделка кают не была закончена в Германии, и диваны купэ без матрацов были бы жестки для сна.

Но я приобрел перед поездкой

лишь очертания Азорских о-вов, и через несколько минут мы летели уже над островом св. Мигуэля. Здесь нам пришлось подняться на высоту 5000 футов, чтобы компенсировать

ровать потерю веса использованного gasoline.

В 3 часа дня легкая тревога: обнаружена трещина фута в 2 дюйма в нижней части одной из газовых клеток.

Повреждение быстро исправлено. Но будь трещина больше, воздух, проникший в клетку, образовал бы опасную смесь газа.

Поздравив друг друга с удачей, мы обратили вновь все внимание на последние уплывающие внизу из поля нашего зрения Азорские острова.

★

К вечеру констатирован грустный факт: боясь перегрузки, мы захватили мало воды, и нам воспрещено мыться и бриться.

Некоторые из нас положительно удручены этим. Еще бы! Прибыть в Америку, где нам готовится торжественная встреча — небритыми, грязными, дивьями какими-то...

Заведующий хозяйством, сжалившись над нами, обещал дать нам немного горячей воды перед самым прибытием. Но... только в том случае, если нас ничто не задержит в пути. В общем же мы чувствовали себя превосходно: комфортабельные каюты, обильный стол с горячими блюдами, для моциона — прогулки по длинному коридору внутри всего корпуса дирижабля.

★

Ночью с 13-го на 14-е началась сильная качка: мы попали в полосу противных ветров значительной силы.

На рассвете, по радио, был по-

лучен бюллетень о погоде, и решено было направить курс более к северо-западу.

Но около 8 утра, завидев встречный пароход, мы поспешили осведомиться о нашем местонахождении и узнали, что вновь уклонились от намеченного курса миль на 120 к северу.

Снеслись по радио с сопровождающим нас крейсером „Детруа“, чтобы уведомить его о новой перемене курса.

Около 10 утра мы пронеслись над пароходом „Роберт Дойар“. Он поднял английский флаг и приветствовал нас салютом из пушки.

К полдню стало невыносимо жарко — мы все изнывали. Капитан дал распоряжение подняться на высоту 8.000 футов, и мы сразу почувствовали облегчение в прохладном воздухе над облаками.

Но часа два спустя мы вступили в полосу густого тумана, и дирижабль полетел очень низко над океаном, чтобы определить направление и силу ветра путем наблюдения над волнами.

Вновь спустилась ночь, и около полуночи при лунном свете мы различили вдали очертания побережья Новой Шотландии.

Ночь была холодна и ясна — резкое различие с преыдущей, почти тропической ночью.

Около часу ночи мы вступили в залив, в 1 ч. 10 мин. дирижабль полетел над землей по направлению к Бостону.

Перелет над Атлантикой был закончен!

А в 5 часов утра 15-го октября тол-

па народа восторженно приветствовала нас на аэродроме Лэкхурста.

Впрочем, мы были не на высоте

призвания, ибо горячей воды так и не получили и вылезли из „летающего вагона“ грязными, как рудокопы из шахты.

В. ФЕДЯЕВСКОЙ

НОВЫЕ РАСКОПКИ П. К. КОЗЛОВА

Знаменитый русский путешественник Петр Кузьмич Козлов много раз совершал путешествия в Центральную Азию. Во время своего путешествия в 1907—1909 г. г. ему удалось открыть Мертвый город Хара-Хото. Он нашел в нем много сокровищ: книг, статуй, статуэток, картин, образов и других вещей. По этим найденным вещам ученым удалось выяснить, что за народ жил много веков тому назад в городе Хара-Хото, когда-то богатом, оживленном, стоявшем у большой караванной дороги, теперь всеми забытом и занесенном песками пустыни.

Козлов стремился снова обратиться в Хара-Хото и продолжать там раскопки. Наконец ему удалось в 1923 г. снарядить новую экспедицию. Правительство дало денег; Козлов пригласил себе помощников, запасся необходимыми инструментами и вещами. С Козловым должны были ехать ученые, чтобы изучать животных, птиц, насекомых, чтобы составлять географические карты и изучать земные слои, а на помощь им он брал с собой нескольких молодых студентов. Многим юношам хотелось отправиться вместе с знаменитым путешественником, увидеть далекие места, чужие народы. Трудности и опасности пути их не пугали. Ведь, может

быть, удастся узнать что-нибудь совсем новое, еще неизвестное другим людям. Особенно одному молодому студенту Симукову чрезвычайно хотелось участвовать в экспедиции. Но Козлов мог взять с собой лишь немногих молодых помощников, и все места уже были заняты. Но Симуков не унывал, а все приходил и приходил к Козлову: нельзя ли с ним поехать? И вдруг перед самым отъездом П. К. Козлов говорит ему:

— Ваше счастье: такой-то не может ехать, и я вас могу взять.

А вскоре после того, 25 июля 1923 г., экспедиция уже двинулась в путь.

От Ленинграда ехали по железной дороге через всю европейскую часть СССР, потом по Великому Сибирскому пути—тоже по железной дороге. А от Верхнеудинска поехали до Усть-Кяхты на пароходе, дальше на лошадях и на верблюдах. После Кяхты путешественники уже были в чужой земле—в Монголии. Страна эта пустынная, малонаселенная. Через нее идет лишь один большой путь от Троицко-Савска и Кяхты,—городков на нашей границе с Китаем, в Пекин—столицу Китая. Проходит этот путь через город Ургу*)—столицу Север-

*) Ныне переименован в Улан-Батор.

ной Монголии, по нему идут караваны верблюдов, везут чай из Китая в Россию. Вот по этому-то великому пути и отправились путешественники.

Добрались до Урги, и тут должны были получить разрешение от китайского правительства на то, чтобы ехать производить раскопки в Харо-Хото. Но китайское правительство не дало своего разрешения. Что же делать экспедиции? Не возвращаться же назад за тысячи верст, не солоно хлебавши! Козлов решил оставаться в Урге и снова хлопотать о разрешении делать раскопки в Харо-Хото.

Ждут. А разрешение все не приходит. Проходят недели за неделями, а ответа все нет. Скучно стало путешественникам. Опасностей они не боялись, трудов не страшились, но сидеть сложа руки в Урге да только за верблюдами ухаживать...

Тоска была смертная. Решил Козлов, что времени тратить попусту не приходится, и что надо немедленно приняться за возможные изучения края. Одних отправил на охоту, — настреляли зверей да птиц, стали их рассматривать, набивать из них чучела. Другие сотрудники поехали в разные стороны искать каких-нибудь исторических памятников. А помощник Козлова Кондратьев, музыкант, заинтересовался монгольскими песнями, стал сзывать к себе певцов; больше 50 монгольских певцов сошлось к нему в Ургу; он их слушал и песни записывал; записал около 300 мотивов. Тем временем с разных сторон стали возвращаться обратно посланные Козловым другие его спутники.

Нашли они кое-какие курганы, но только обычного вида, которые уже и многими другими путешественниками были описаны, — ничего нового, ничего интересного.

А Петр Кузьмич Козлов уже раньше много раз бывал в Монголии, хорошо по-монгольски говорил, и среди монголов были у него друзья. Слышал он от тех друзей, что где-то к северу от Урги должны быть старинные могильники — курганы, совсем на другие курганы не похожие, и которые до сих пор ученые не раскапывали и не описывали. Козлов призывал к себе часть своих спутников, дал им указания и направил их к северу от Урги, на поиски особых невиданных курганов. Партия отправилась во главе с старшим помощником Козлова С. А. Кондратьевым.

Зима стояла лютая, снежная. Местами по лесу с трудом можно было пробираться, в снегу приходилось проваливаться. Может-быть, и в живых не остались бы, замерзли бы, да по счастью натолкнулись на какую-то хижину, — хоть они и не по дороге шли, да не так далеко от великого караванного пути из Кяхты в Пекин, так что кто-то тут хижинку соорудил. Переночевали, пошли дальше. А на следующий день выходят на поляну, и видят среди леса какие-то бугры, с углублением посередке, а вокруг такого возвышения едва заметный вал, и на нем камни накиданы. Догадались: это, верно, те древние, никем не обследованные курганы, о которых Козлов говорил. Сняли фотографию места, сделали съемки, планы местности составили, и скорей с радост-

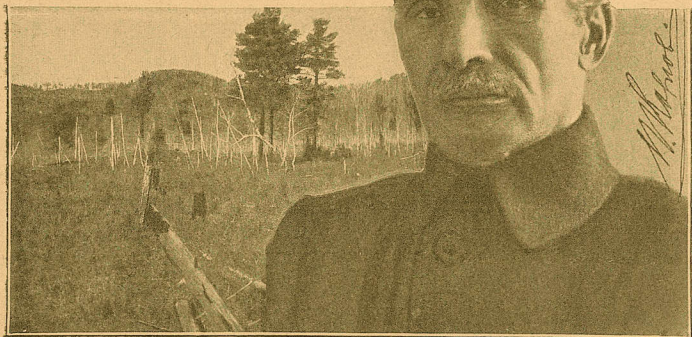
ной вестью обратно к Козлову. Это было в конце февраля 1924 года.

А в начале марта представитель нашей республики в Монголии—полпред Васильев—предложил Козлову проехать с ним осмотреть школы, а затем поохотиться в лесу. Козлов сообразил, что лес, в который его приглашают охотиться, как раз в тех местах, где по его соображениям находятся неизвестные курганы. Он охотно согласился. Поехали в школы, потом на охоту;

— Да, ничего, не особенно важная, а как ваша?

— Ну, о моей будем после судить,—ответил Козлов.

Через некоторое время, как только снег стал сходить, Козлов со всей своей экспедицией отправился к найденным курганам. Они находились в горной местности Нани

Путешественник П. К. Козлов и урочище Суцзуктэ. На горизонте 23-й курган „У трех сосен“ с женским погребением

тут Васильев и Козлов расстались. Козлов скорей достал из кармана планы и чертежи, что ему доставили его помощники, и пошел отыскивать курганы. Действительно, через несколько времени он натолкнулся на эти старинные памятники и увидел, где надо начинать работу. А затем он встретился опять с Васильевым и спрашивает:

— Как ваша охота?

Ула,— в горах Кентея, в 120 верстах к северу от Урги, не так далеко от нашей границы и всего в каких-нибудь 12 верстах от великого пути из Кяхты в Пекин. И тем не менее, до сих пор никто на эти курганы не наткнулся и не открыл их.

Курганов оказалось много, всего до 150, и предполагаются они тремя группами. Две группы нашли сразу, на третью натолкнулись во время

раскопок. Называют эти места так: место, где первая группа курганов,—Суцуктэ, что значит по монгольски—молитвенное место; место, где вторая группа,—Цзурумтэ, это значит—благочестивое приношение; а третье место—Худжиртэ, это означает солончаковое место. Вокруг некоторых курганов был вал, а другие курганы почти слились с ровной поверхностью, возвышенные их едва приметно, так что их трудно отличить от остальной местности.

Козлов выбрал курган, который находился выше всех других, и распорядился приступить к его раскопке. Начали рыть колодец в 4 арш. в квадрате. Но земля промерзла, и работа была нелегкая. Вырыли вглубь на сажень, на две, все ничего нет. Опять стали копать. Земля едва поддается, — как камень. Вырыли колодец на третью и четвертую сажень,—ничего нет. Тут унынье взяло работающих, начали роптать, стали думать, стоит ли в этом месте производить раскопку. Тогда Козлов им напомнил:

— Когда в Москве были, что вы говорили? „Все распоряжения будем беспрекословно исполнять“,—а теперь?

Устыдились роптавшие, и с новым усердием принялись за тяжкую работу. Но сколько они ни копали,—ничего не находили. Колодец был уже в 5—6 сажен, и только на глубине около 7 сажен вдруг наткнулись на какую-то бревенчатую крышу, которая по размерам была больше, чем площадь колодца. Теперь кому-нибудь надо было про-

никнуть под эту крышу, чтобы узнать, что это за постройка. Дело это было не легкое. Колодец был темный, страшно глубокий, примерно, такой глубины, как высота трехэтажного дома. Грозил опасность, что балки могут рухнуть, и земля может засыпаться.

— Кто же первый спустится?

— Позвольте мне!—вызвался Симуков.

Он захватил светильник, и на веревке его стали спускать в черную пропасть. Через отверстие в бревенчатой крыше он спустился до dna подземелья.

Тут Симуков огляделся и видит, что он находится в каком-то подземном помещении. Помещение четырехугольное, все выстроенное из тяжелых обтесанных деревянных бревен. И по самой середине стоит гроб, отделанный золотом, на деревянных дугообразных подставках. Головой он обращен к северу, а ногами к югу. Вокруг внутреннего помещения коридор, и большие деревянные столбы отделяют его от среднего помещения. Понял Симуков, что это подземелье выстроено для погребения какого-нибудь вождя. Глядит Симуков и надивиться не может богатству этой погребальной камеры,—под гробом лежит великолепный ковер, столбы обтянуты разноцветным шелком, на стенах картины и ковры, изображающие людей и животных. Около гроба разные вещи: бронзовые, золотые, глиняные, большие вазы—урны, деревянные чашечки, седла, какие-то украшения, зеркало, человеческие косы, длинные, в шелковых футлярах. Всего и не пере-

честь. Стал Симуков обходить камеру и вокруг гроба, и вдоль коридоров. В одном месте балки погнулись, пройти нельзя, только проползти можно. Но хотелось Симукову все уголки обойти, и он пополз, хоть балки могли обрушиться, и чужая могила могла сделаться его собственной.

После того, как Симуков первый раз спустился в курган, начались правильные раскопки, и 1½ месяца экспедиция работала над первым курганом. А затем принялись и за другие. Спускались туда — и сам начальник экспедиции Козлов, и другие члены экспедиции. Раньше, чем брать какую-нибудь вещь, отмечали, где и как она лежала в кургане: ведь всякая мелочь могла объяснить что-нибудь из давней жизни того народа, который когда-то выстроил этот могильник.

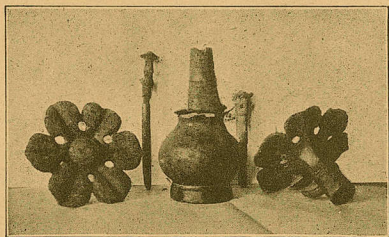
Рассмотрели кости, лежавшие в гробу, и волосы в косах. Не похожи они на монгольские. Верно, в те времена жили тут не монголы, как теперь, а какой-то другой народ, один из арийских народов, похожий на итальянцев, русских, французов, англичан, и другие народы Европы. Нашли керамику: глиняные кирпичи с какими то буквами, похожими на китайские, и удалось разобрать, что народ, построивший этот курган, жил за 200 лет до нашего летоисчисления, за 2.000 лет до нас.

Были тут села и оружие. Очевидно, этим древним людям много приходилось ездить верхом и сражаться; должно-быть, они не жили

постоянно на одном месте, а кочевали, переходили с места на место.

Находились в курганах шелковые материи с красивыми узорами, иногда тонкие, как газ; находились золотые женские украшения, разные безделушки, — например, исшачья мордочка. Были картины и ковры.

Нашли дощечку с просверленными дырочками, в которые вкладывались специально изготовленные палочки, это было орудие для добывания огня. Видно, что люди,

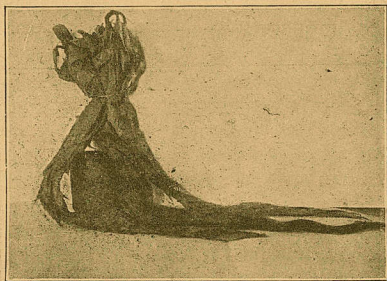
Бронзовые тюльпаны и др. предметы из кургана № 25

строившие курган, не были дикарями: они уже искусно умели работать.

По вещам можно судить и о том, с какими другими народами этим людям приходилось сталкиваться. Были вещи, похожие на индейские, персидские, греческие. Должно-быть, по торговым или иным делам приходилось народу, чьи это курганы, иметь дело с Индией, Персией и Грецией.

Очень интересны были два ковра. На одном изображен человек среди коней. А на другом изображен не то лось, не то олень, а на него на-

падает какое-то чудовище, похожее на рысь, но с крыльями. У древних греков есть похожие изображения грифонов. Должно быть, искусство древних греков было известно строителям кургана. Достали из курганов какие-то громадные бронзовые позолоченные цветы в роде тюльпанов: 35 больших и 70 таких же маленьких. Сначала приняли их за подсвечники. А теперь думают, не употребляли ли их при

Косы в шелковых чехлах из кургана Суцзукт

похоронах; когда вождя спускали в могилу, кругом кургана горели под солнцем и сверкали своей позолотой все эти бесчисленные большие и малые тюльпаны.

Нашли много человеческих кос. Из одного первого кургана их вынули целый десяток. Косы были длинные. Запелели их 2.000 лет назад, и пролежали они, не попортившись, в погребальном подземельи... Каждая коса была в шелковом футляре, к каждой был подвешен маленький амулет *); на не-

* Амулет—вещица, которую носят, предполагая, что она приносит счастье.

которых косах запекалась кровь. Одна коса была особенно длинная, пышная, чудесная, перевязанная красным шелковым шнурком.

Что это за косы? Трудно сказать. Может-быть, когда вождь умирал и его хоронили, убивали его жен, и их косы клали в его могилу.

В вазах-урнах нашли кирпичный чай и крупу какую-то, похожую на наше просо; очевидно, те люди верили, что после смерти человек живет такой же жизнью, как на земле, и считали, что ему понадобятся и чай, и крупа, и седло, и ковры, и все, что ему необходимо при жизни. Таким образом, можно было догадаться не только о том, как люди жили в те стародавние времена, но и во что они верили.

Так заговорили вещи и открыли много тайн давно умершего забытого народа.

Козлов со своими сотрудниками еще и теперь продолжают работу. Работа очень трудная. Нередко приходилось производить раскопки, лежа в холодной воде и мокрой глине. Нередко работа становилась и опасной. Земля, и камни, и бревна могли засыпать людей. Из 150 курганов разрыли 10.

Обыкновенно в каждом кургане погребальная камера была построена из хорошо пригнанных тесанных бревен. А потолок или крыша были в два, а то так и в три ряда бревен, чтобы выдерживать тяжесть земли. Величина камеры была чаще всего 6 метров в длину, 4 метра в ширину. И так же, как в первом кургане, везде было среднее поме-

шение, где с севера на юг стоял гроб, а кругом шли коридоры, и, повидимому, из южного коридора делался выход. Только в кургане, где была похоронена женщина, не было южного коридора: верно, как при жизни женщины были рабынями, так и после смерти считали, что надо им быть взаперти. В женском кургане нашли множество золотых вещей—женских украшений. А в другом кургане нашли бронзовые предметы. Шесть пудов одних бронзовых вещей. Один курган нашел Андрей Дмитриевич Симуков, и в его честь курган был назван Андреевским. В этом кургане погребальной камеры не оказалось, а был склад оружия, нашли стрелы. Один из курганов прозвали мокрым, потому что, сколько его ни разрывали, не могли справиться с водой: вода все заливала так, что никак не удавалось в него проникнуть. И только через несколько месяцев, когда зимние морозы сковали воду, путешественники все-таки спустились в курган и нашли в нем новые сокровища.

Уже из одного только первого кургана достали до 150 вещей. А из них одни только два большие ковра стоили так дорого, что, если бы их продать, так покрылись бы все расходы по экспедиции.

Но как же не сгнили, отчего же сохранились все эти вещи, пролежав 2 тысячи лет под землей? Надо думать оттого, что температура там была холодная—около 1° мороза, и все время равномерная.

Известный шведский путешественник Свен Гедин был во время раскопок Козлова в Китае и соби-

рался возвращаться к себе на родину. Услышав про раскопки Козлова, он поехал к себе нарочно тем путем, что идет через Ургу. Тут он повидался с Козловым, которого раньше знал и очень уважал, и поглядел его новые интересные раскопки.

Другой известный путешественник американец Эндрюс в то же время делал раскопки в пустыне Гоби. Но он искал там не следов жизни прежних людей и народов, а отыскивал кости допотопных животных. Ему удалось найти скелеты динозавров, удивительных чудовищ, которые выглядели в роде громадных крокодилов с крыльями. Нашел он и яйца этих чудовищ. По делам своих раскопок Эндрюс на автомобиле через пустыню приехал в Ургу для переговоров с монгольским правительством. Тут он познакомился с П. К. Козловым.

П. К. пригласил его к себе на раскопки. На автомобиле американца они прямым путем быстро докатили до курганов, осмотрели их. Американец Эндрюс вместе с Козловым спускался через черные колодцы в погребальные подземелья. Они вместе снялись. Эндрюс пригласил Козлова будущим летом приехать поглядеть и его работу.

Таким образом, три знаменитых путешественника из разных стран встретились в чужой далекой пустынной Монголии.

В городе Урге впервые стали теперь устраивать музей. В нем одна комната называется именем Козлова, а другая именем Эндрюса,

и туда они поместят кое-что из найденного. Эндриус дал часть яиц динозавров; Козлов дал некоторые двойные коллекции насекомых и птиц, составленные во время путешествия. Но все драгоценности, найденные под землей, открытые в курганах, Козлов привез в Ленинград и передал их для рассмотрения ученым, которые расположат их в порядке в народных музеях.

Козлов приехал в Ленинград лишь вдвоем с одним из своих сотрудников, чтобы доставить в целости вещи. Остальная экспедиция осталась возле курганов продолжать работу, и в марте обратно в Ургу выехал Козлов, устроивший экспедицию, ведущий ее и открывший миру новые подземные сокровища, которые рассказали о жизни народа, давно уже переставшего существовать.

С. Г.

КРУГОМ НА ПРЯМУЮ

В школе нас учат, что прямая линия есть кратчайший путь между двумя точками. Это несомненно, но, двигаясь по земле, мы в очень редких случаях можем идти по прямой линии. Проложенные человеком по земле дороги редко бывают прямыми, хотя на дорогах человек пользуется для движения или силой животных или машинами: паровозом, электровозом, автотормом. Ходьба же утомляет нас самих. Чем длиннее путь, тем больше мы устаем. Но еще утомительнее дорога, если на ней есть спуски и подъемы — а они есть почти на каждой дороге. Французский инженер Амар изучил ходьбу человека по наклонному пути с подъемом в 13 сант. на метр. Это подъем — незначительный, то что крестьяне называют „изволок“. Мотоциклетка и трамвай берут такие уклоны не меняя „скорости“. Оказалось, что при ходьбе 3,7 километра в час (обычная скорость пешехода) затрата силы на ровном пути в четыре слишком раза меньше, чем при

подъеме, и в два с половиной раза меньше, чем при спуске. Надо заметить, что и спуск, как показали эти опыты, утомительнее ровного пути... Дело в том, что при спуске приходится тратить силы на то, чтобы при каждом шаге поддерживать на весу свое тело.

Вот почему дорога для пешеходов — тропинка — очень часто обходит бугры и впадины, хотя бы путь вокруг был длиннее прямого. Ровный обходный путь, если он не чрезмерно длинен, выгоднее, чем подъем и спуск. Оттого и вьются по полям и лесам тропинки. Еще более извилисты бывают тропинки в местности очень пересеченной, то есть в такой, где пешеход встречает частые препятствия в виде крутых спусков (оврагов), обрывов, резких подъемов, непроходимых водоемов и водных потоков. В таких местностях существуют тропинки, проторенные сотни и тысячи лет тому назад — об них следует поговорить отдельно. Теперь надо

коротко сказать, что извилистой тропе, если она четка и ясна, можно довериться вполне, как бы ни были причудливы ее извивы — а это особенно заметно бывает на тропе Московской области, — тропа вас непременно приведет к какой-нибудь определенной цели. „А пойдешь напрямиком — проплутаешь напрасно“. (В. О. Ключевский, „История России“).

Если же вы сбились с пути и заплутались — нет тропинок и вы идете целиком — то существует много способов и приемов, как найти верную дорогу. Мы здесь хотим указать на один мало известный, но испытанный и верный прием найти дорогу в некоторых определенных случаях. Основан этот способ не на приметках, которые могут обмануть или быть неверно истолкованы. Он опирается не на приметы, а на незыблемые основы геометрии и природженное чутье простора, глубоко заложенное в человеке и в звере с туманной древности. Однако, теорема, на которую опирается наш способ, доказана незыблемо и в общей форме совсем недавно гениальным германским геометром Якобом Штейнером (в середине XIX века). А между тем она очень проста. Вот она.

Если на плоскости проведена прямая линия, то через любую точку этой плоскости можно провести круг, пересекающий данную прямую.

Попробуем применить эту теорему, чтобы выйти на прямую дорогу из блуждания, тогда и она сама станет для нас ближе и понятней. Представьте себе, что вы шли по прямой просеке в лесу, или тро-

пинкой вдоль железной дороги. Вы свернули в лес и заблудились. Наступила ночь. Небо пасмурно. Вы потерялись совершенно. Вам хочется выйти снова на прямую дорогу. У вас нет компаса и часов. Присмотритесь — не видно никаких веток — нельзя судить где север и восток. Лес молчит.

Вы устали от бесплодных поисков дороги, испуганы, взволнованы. Что делать? Прежде всего остановиться и успокоиться. Русские грибники говорят, что, заблудясь, надо сесть и переобуться, и тогда найдешь дорогу. Это не суеверие: сесть и переобуться для лапотника с его онучами и оборами — значит отдохнуть, успокоиться и отвлечься от бестолкового метания в темном лесу.

Остановитесь и вспомните, что вы свернули с прямой дороги и больше на нее не возвращались. Теперь обратитесь к геометрии. Она вам скажет, что от того места (точки), где вы стоите, до дороги (прямой) есть кратчайшее прямое (перпендикулярное) расстояние. Но направление его вам неизвестно и нет никаких способов его определить. Вообще есть много прямых путей, которые вас могут вывести на дорогу, но в лесу необходимо обходить деревья и потому держать прямую линию на глаз невозможно даже на коротком расстоянии. Кроме того, из бесчисленного числа прямых путей, идущих от места вашей стоянки во все стороны, половина будет не приводить, а уводить вас от цели, а из остальной половины очень многие чрезмерно долги. Поэтому надо избрать кривой по возможности круговой путь. Он выведет вас на дорогу на верное.

Есть много кругов, которые, проходя через точку, где вы стоите, пересекают нужную вам прямую дорогу. Вы хотите выйти на дорогу поскорее. Вам надо пройти по кругу возможно меньшему. Но есть опасность, что вы выберете круг очень малый и он не пересечет дороги и не коснется ее. Тогда надо описать второй круг больший. Надо кружить. Припомните, что собака, чтобы пересечь вторично потерянный ею след, начинает бегать кругами, все их расширяя. В стихотворении Пушкина „Бесы“ ямщик говорит: „В поле бес нас

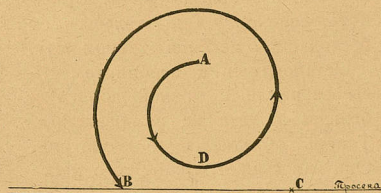
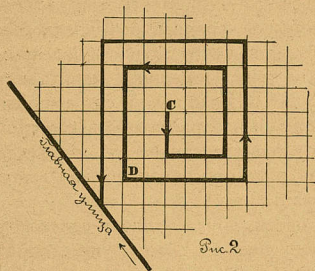

Рис. 1

водит, видно, да кружит по сторонам“. Суеверный ямщик бросил в отчаянии возжи и думает, что его кружат бесы. На самом деле, почуввав свободу, кони, верные своему чутью, — тотчас начали кружить, зная, что круг в чистом поле непременно пересечет потерянную торную дорогу. Поэтому и вам следует в темном лесу, начав круг, вести его, все расширяя, в одном направлении. Естественнее при этом совершать круг „против солнца“ (т.е. заходя правым плечом), нежели по-солонь (т.е. по часовой стрелке). Так вы опишите в лесу вокруг некоторого воображаемого центра,

который всегда будет влево от вас, пружинную линию, спираль, похожую на ту, что изображена на рисунке № 1. Она вас скорей, чем случай или счастье, приведет на прямую дорогу. Если вы ранее сошли с дороги влево, то выйдя на прямую просеку и повернув опять налево, вы пойдете к своей прямой цели по верному направлению. Если вы блуждали по правую сторону от прямого пути и кружили потом „против солнца“ — то вам, выйдя на прямую, надо повернуть направо, чтобы притти к своей прямой цели, отмеченной на нашем рисунке буквой С. Наш способ одинаково применим и в темном лесу и „среди неведомых равнин“ в метель, и в незнакомом шумном городе, где человек „без языка“, как в темном лесу. В городе, конечно, придется кружить по улицам, подчиняясь их направлению. На рис. 2 изображены в плане тонкими линиями улицы большого американского города (Филадельфии), прорезанные наискосок главной улицей („Бродвей“). Мальчик, русский эмигрант, ушел с главной улицы направо и заблудился в сети прямоугольных „все как один“ перекрестков. На перекрестке С он „сел и переобулся“ — а потом кружа против солнца, вышел на Бродвей. Обратите внимание, что на углу D (рис. 2) он был очень близко от „Бродвея“ и если бы воспользовался какой-либо приметой — то узнал бы Бродвей в просвете улицы („стрит“) и вышел бы на него скорей. Так же и в лесу, описывая круг, странник мог, незаметно приближаясь к желанной дороге (в точке D на

рис. 1), и услышав какой-либо приметный звук с прямой дороги, (например, шум поезда, гудок парова-

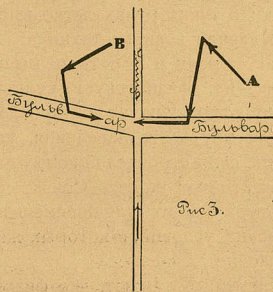

воза, рожок автомобиля или скрип телеги),—пройдя прямо на звук, сократил бы дорогу.

На рисунке 3 изображены буквами А и В два пионера; перейдя бульвар по улице, они потом по рознь свернули один вправо, другой влево и в сети переулков оба заблудились. Не спрашивая прохожих, они начали с первого поворота влево круг, и когда натолкнулись на бульвар, то пионеру А не зачем было продолжать круг, зная, что он впервые свернул с улицы направо, помня, что бульвар был уже им перейден, он повернул направо и вышел на перекресток

улицы и бульвара, где он встретился с пионером В, который выйдя на бульвар и зная, что находится влево от улицы, уверенно двинулся к перекрестку.

Наш способ отыскания дороги и „в чистом поле среди неведомых равнин“, и в чуждом городе есть вместе с тем и лучший способ быстрого изучения плана таких великих городов, как Москва, Париж. И нет более увлекательной пионерской игры, как „заводиловка“ на улицах Москвы, при чем, пользуясь правилом круга против солнца, вы

с поразительной верностью и быстротой становитесь на прямую дорогу.

Н. СЕМАШКО

ФИЗКУЛЬТУРА И МОЛОДЕЖЬ

Две основные задачи стоят сейчас перед нашим трудовым Союзом: строить коммунистическое здание и защищать первую в мире Республику Трудя от нападения буржуазных соседей.

И чтобы построить коммунистиче-

ское здание, и чтобы защищать социалистическое отечество нужны твердые, сильные руки: нелегка та и другая задача в капиталистическом окружении, и только сильным сознанием, волей, мышцами строитель и защитник может ее выполнить.

А режим царя и капиталистов веками подтачивал и расшатывал народную силу. Массовые эпидемии не прекращались на Руси. Смертность была так велика, как ни в одной стране Европы. Население, особенно крестьянское, жило в самых невозможных условиях: в темноте, грязи, безграмотности. Население вырождалось, а местами вымирало.

Такое наследство получили мы от царя, капиталистов, меньшевиков и эсеров. И ясно было, что такими руками прочное коммунистическое здание не построишь, что штыки в таких руках легко выбьет буржуазная военная техника...

Вот почему и обратили мы внимание на физическую культуру. Физкультура значит оздоровление нашего трудового населения, укрепление силы строителей коммунизма и защитников нашего Союза. Физкультура значит улучшение гигиенических условий, в которых живет население.

Некоторые думают, что физкультура—это физические упражнения, спорт. Это — совершенно неверное: физкультура вовсе не только физические упражнения; эти последние — только часть физкультуры. Конечно, упражнения в беге, в плавании, в прыжках, в лазаньи, на лыжах, на коньках и т. д.—очень полезная вещь: все эти упражнения развивают наши органы (легкие, руки, ноги, спину), укрепляют наш организм, но физическая культура состоит не только в этом: она учит, как нужно устроить весь свой день для того, чтобы быть здоровым.

Подневольный кабальный труд

рабочего, крестьянина из-под палки помещика и капиталиста не научил рабочих и крестьян правильно трудиться, т.-е. работать так, чтобы в меньшее время и без вреда для себя произвести больше полезных предметов. Помещик, капиталист „гнали“ на работу, и трудящийся обязан был отрабатывать, памятуя, что в капиталистическом „мире есть царь, этот царь беспощаден—голод название ему“.

Совсем другое дело в советском строе: здесь не „палка“, не „голод“ гонит на работу: трудящиеся работают на себя, на свое трудовое государство, для пользы всех (а не для обогащения капиталиста). Труд у нас не „наказанье“, а полезное для трудящегося и для общества дело. Поэтому-то иначе должен относиться каждый рабочий, каждый крестьянин: он должен так устроить свою работу, чтобы как можно больше принести пользы, больше выработать полезных предметов.

А чтобы крестьянин, да и рабочий мог лучше сработать, ему нужна сила: куда же маломощному, хилому, болезненному крестьянину справиться с его тяжелой сельской работой — косьюбой, пахотой, молотьбой? Только здоровый крестьянин и рабочий может хорошо трудиться.

Физкультура, которая укрепляет здоровье трудящихся, таким образом содействует поднятию производительности труда. В настоящее время и коммунистическая партия, и профсоюзы, и советская власть поставили себе задачей поднятие производительности труда. Физкультура, таким образом, содействует осуществлению этой главной задачи,

поставленной лозунгом 8-й годовщины советской власти.

Физкультура учит, как нужно работать. Она же учит и как нужно отдыхать. Во время гнета царя и капиталистов рабочий и крестьянин, в своей безысходной нужде и темноте, очень часто видел отдых в том, чтобы пойти в кабак или монополюшку и напиться допьяна. Физкультура указывает развлечения, которые полезны и приятны для отдыхающего. Теперь уже и взрослые, даже старики, вовремя праздников и отдыха стараются подышать чистым воздухом, а кто может—принять участие в разных развлечениях. Зимой—на лыжах, летом—в лесу или на лодках и т. д. А молодежь занимается спортом, т. е. беганьем, прыжками, лыжами, коньками и т. д.

Таким образом, физкультура переставляет весь быт, от труда до отдыха. Вместо темного, кошмарного быта варварства и крепостничества она насаждает здоровый, чистый, радостный быт коммунизма.

Вот каковы задачи физкультуры.

Если все это приложимо ко всему населению, то тем более приложимо это к молодежи.

В молодости организм только образуется, формируется: грудь, легкие еще только развиваются, мускулы укрепляются, кости твердеют. Для такого возраста физкультура, т. е. чистый воздух, солнце, физические упражнения, имеет особенное значение. Укрепился и развился организм в молодости—он уже всю жизнь является могучей крепостью,

которую не так-то легко может взять болезнь; работоспособность такого организма обеспечена.

А если в молодости на это не обратить должного внимания—хилый, слабый человек с впалой грудью, дряблыми мускулами, бледным лицом—плохой строитель и плохой защитник. Поэтому-то если физкультура нужна взрослому человеку, то в тысячу раз она нужнее молодежи. Да она в тысячу раз и приятнее молодежи, ибо в молодом организме кипит энергия, рвется наружу, и молодежь охотней взрослых занимается всякого рода физическими упражнениями.

И если в отношении взрослых иногда приходится вспоминать пословицу, что „горбатого исправит могила“, т. е. с стариками, искалеченными капиталистическим режимом, теперь трудно что-нибудь сделать, то в отношении молодежи дело стоит как раз наоборот: от нас самих зависит, будет ли у нас здоровая, т. е. работоспособная и боеспособная смена, удержит ли в своих руках наша молодежь знамя Владимира Ильича, которое мы передадим ей.

И нужно все меры приложить к тому, чтобы знамя Ильича перехватили у нас здоровые, крепкие руки сильных духом и телом юных ленинцев. А для этого молодежь вся, поголовно, должна заняться физической культурой.

От здоровья нашей молодой смены зависит будущее социалистической революции.

КАК Я СДЕЛАЛСЯ ЛЕГКОАТЛЕТОМ

Часы у Никитских ворот показывали 6, 30, когда мы с товарищем возвращались домой с работы. На Тверском бульваре нас поразило необычайное скопление народа, толпившегося по обе стороны центральной аллеи, вытягивая шеи по направлению к памятнику Пушкина.

У кого на лицах было написано любопытство, у кого просто удивление. Не все толком знали, в чем дело и чего они ждут. Слухи носились самые разноречивые, но тем не менее, все ждали.

Юные пионеры, бегая по бульвару, то там, то здесь восстанавливали разрывавшуюся цепь, которую составила сама публика. Работы было много, так как многие нетерпеливые и беспокойные ребята то и дело оставляли цепь, перебегая в более выгодные для них места.

Хотя и подстрекаемый любопытством, я все же решил никого не спрашивать, а узнать все непосредственно самому, но чем ближе я с товарищем продвигался к Страстной площади, тем более и более ясно становилось происходящее.

У самого памятника творилось что-то необыкновенное. Подножие памятника и все вокруг него представляло из себя сплошной муравейник, а публика все прибывала и прибывала, устанавливаясь уже далеко за памятником на площади. Мальчишки делали попытки забраться на фонари, окружающие памятник, но как только кто-либо из них достигал высоты, превышающей рост

стоящих вокруг на земле, немедленно появлялся или милиционер, или же кто-либо из штатских с цветной повязкой на рукаве и виновника тотчас же при общем смехе стакивали за ноги, указывая при этом на недопустимость порчи памятника и нарушения правил порядка.

Я все терпел и не спрашивал, что же, в конце концов, здесь будет, но в публике то и дело слышались вопросы:

— Когда же начнется митинг?

— Какой тебе там митинг?

— А вот по вопросу о распространении международной революции.

— Ничего подобного, — уверяет какая-то женщина, — сегодня сюда должны привести свергнутого в Европе императора в подарок СССР, который первым показал, как он умеет расправляться с коронованными особами.

— Вот тоже выдумала. Их уж теперь, твоих императоров - то, даже и в Азии не найдешь, не только что в Европе.

— Бега, говорят, будут. Люди по Москве побегут.

— Зачем же они побегут? От кого побегут?

— Вон от того гражданина, который все с револьвером ходит.

— Батюшки мои, чего же это милиционеры смотрят. У них на глазах среди бела дня убийство замышляют, а они хоть бы что.

— Да он не в них стрелять будет, а в воздух.

— Да хоть бы и в воздух,—а разве земля притяжения не имеет? Пуля-то ведь вернется обратно и, чего доброго, тебе или мне череп прошибет.

— Чего расслонявились-то? Он холостыми, чай, будет стрелять, ничего не прошибет.

— Какой же интерес холостыми-то палить.

— Для шуму нужно. Эти, вот, голые, как услышат выстрел, так и припустятся, так что пыль столбом.

— От кого же они припустятся?

— А друг от друга. Один другого догонять будет.

— Зачем же это они будут так делать?

— На предмет здоровья, кто сильнее.

И действительно, последнее оказалось более правильным. На пьедестал памятника влез человек; на руке у него, как и у многих других, была повязка. Подняв руку вверх, он попросил у всех внимания, а затем начал говорить. Голос его звучал твердо, чувствовалась уверенность в правдивости всего того, что было сказано им. Он говорил приблизительно так:

— Граждане! Великая Октябрьская революция, наряду с колоссальными завоеваниями, дала нам также и ужасное наследство от капиталистического строя. Неимоверно жесткие условия существования трудящихся во времена капитализма привели последних к катастрофическому положению. Отсутствие нормального питания, даже больше того—постоянное недоедание; отвратительные жилища

рабочих, неимоверно грязные, душные и темные; плохо содержащееся в чистоте белье и одежда, и, наконец, самый грозный бич—народная темнота, не позволявшая понять и и открыты в чем именно заключается вся беда,—вот то, что породило у нас страшную заболеваемость, смертность. Организм постепенно истощался и, в конце концов, настолько ослаб, что не в состоянии был оказывать сопротивления различным заболеваниям и... смерть собирала богатую жатву. Миллионы народа гибли из-за своего невежества, поддерживаемого его врагами и эксплуататорами, которые выжимали из него последние соки.

Но давно уже прошла эта ужасная пора. Теперь народ освободился от векового гнета и залечивает свои раны; великое средство, при помощи которого врачуются эти ужасные раны, есть физическая культура.

Физическая культура заключается в том, что человек путем ежедневного правильного распределения своего труда, отдыха и сна регулирует свое здоровье. Наиболее трудной частью является отдых и понадобилось много опытов, чтобы найти именно те пути, которые наиболее разумно и целесообразно позволяют использовать его.

Между прочими средствами, физические упражнения занимают главную роль в деле разумных развлечений, в результате которых человек не только отдыхает, но и набирает еще запас сил и энергии, нужные ему для труда.

Спортивные соревнования, как часть таких полезных и разумных развлечений, служат громадным под-

спорьем в деле научной постановки труда, так как в основе своей имеют изучение полезных движений, позволяющих с наименьшей затратой энергии добиваться наибольших достижений. Добиться хороших результатов в каком-либо виде спорта—это значит, помимо приобретения нужной физической силы, еще озаботиться самым детальным изучением всех отдельных элементов движения, т. е. изучить все те движения, которые приносят пользу, и устранить такие лишние, которые, не принося никакой пользы, только зря утомляют человека, понижая его работоспособность. Человек, занимающийся спортом, невольно наталкивается на этот вопрос, а раз натолкнувшись, распространяет вырабатываемые этим внимание и пытливость и на другие стороны своей жизни—на труд и быт.

Занятия спортом развивают в человеке и физические качества. Он делается выносливым, сильным и здоровым, что помогает ему принести больше пользы человечеству, не отнимать у государства средств на постройку и содержание больниц и санаторий и меньше тратить на его лечение.

К тому же хорошо физически подготовленное население сумеет не только защитить завоевания революции, но и укрепить их и сделать невозможным дальнейшее сопротивление капиталистов к удержанию власти в своих руках.

Вот почему так ценен для нас спорт!

К сожалению, еще не все граждане уяснили себе значение и пользу спорта, не все им занимаются, и пото-

му больницы и санатории все еще переполнены больными и преждевременно умирающими, умирающими именно в тот момент, когда государство вправе было бы требовать от них возмещения тех затрат и внимания, которые оно понесло для воспитания и обучения их.

То, что должно сейчас здесь совершиться, устраивается с той целью, чтобы люди, невольно ставшие свидетелями происшедшего, поняли бы и оценили его значение и последовали примеру этих юношей, пышавших здоровьем, силой и ловкостью.

Сейчас мы дадим старт *) сорока командам лучших московских спортивных кружков; это соревнование покажет нам, какой кружок лучше сумел поставить у себя работу по физическому оздоровлению молодежи, кто подготовил стойких и выносливых людей. Соревнование заключается в том, что все бульварное кольцо города, общим протяжением до 10 километров, разделено на 10 этапов**), и на каждый такой этап, принимающие участие в соревновании, кружки выставили по одному бегуну. Начинаящий бег на первом этапе берет с собой палочку—эстафету***) и, пробежав свой этап, сдает ее своему товарищу по команде. Победительницей выходит та команда, которая принесет первой эстафету обратно к Страстной

*) Старт—начало бега. Дадим старт—т. е. дадим сигнал к началу бега.

**) Этап—дистанция, расстояние, которое полагается пробежать тому или иному бегуну.

***) Эстафета—круглая палочка, длиной в 30 сантиметров

площади с другой стороны, за что и получит переходящий приз *), учрежденный еще в 1922 году и ежегодно разыгрываемый в честь великого праздника — солидарности всех трудящихся мира — дня I Мая.

К вам, граждане, обращаюсь

ное кольцо, явятся сюда, как ни в чем не бывало.

К вашему сведению сообщаю, что трамвай „А“ обходит всю эту линию в 40—45 минут, а первая команда будет уже здесь через 26—27 минут. Все это возможно только при наличии здоровья, силы,

Вот как надо передавать эстафеты

я с призывом, становитесь все в ряды физкультурников! Физкультура многое вам откроет, многому научит. Первый урок вы должны выполнить сейчас же и поддерживать необходимый порядок. А через 30 минут вы уже будете свидетелями того, как эти стройные, загорелые юноши, оббежав кругом все бульвар-

выдержки, крепких мышц, здоровых легких и выносливого сердца. Не нарушайте же порядка и ждите.

Он кончил.

Затем, по просьбе человека, ходившего с револьвером все утихли и раздвинулись на две стороны.

Бегуны, выстроившись в шеренгу по линии между фонарными столбами, представляли собою довольно живописную картину: голубые, синие, красные, лиловые, оранжевые, бирюзовые, белые и черные трусы

*) Переходящий приз—приз, который переходит к победителю и хранится у него до следующего розыгрыша.

и фуфайки их переплетались в различных комбинациях, радуя глаз своими тонами и оттенками.

Человек поднял руку с револьвером вверх.

Наступила необычайная тишина. Бегуны насторожились, подав корпус вперед. Публика притаила дыхание, и никто не решался моргнуть глазом, чтобы не пропустить интересного момента начала бега.

Томительно долгими казались те секунды, которые предшествовали выстрелу. Бегуны нервничали и вырывались вперед, но выстрела не было.

Успокоив разволновавшихся бегунов и публику, стартер *), наконец, нажал курок. Раздался выстрел... Как стрела, выпущенная из лука, бегуны лавиной ринулись вперед. Каждый хотел выбежать раньше другого, чтобы иметь возможность бежать по свободному пути. Никому не хотелось уступить середины пути, и все поэтому столпились в груды, задевая друг друга.

Не успел исчезнуть дымок револьвера, как бегуны уже были на середине бульвара, сопровождаемые одобрительными криками толпы и руганью торговков, не успевших убрать с пути своих корзинок с яблоками и подсолнухами. Как стадо диких лошадей, спасающихся в степи от пожара, пробежали бегуны, подминая все под своими ногами. Укладывая кое-как уцелевшее содержимое корзинок обратно, торговки с ужасом думали о том, что

если бы милиционеры умели так бегать, как эти антихристы, торговле ихней давно бы пришел конец, и при этом добавляли вслух:

— Чтобы вам ни дна, ни покрывки, проклятым.

— Кому фиктура, а нам одно разоренье.

— Ишь ведь дьяволы, что придумали. Мудрят, мудрят, а толку все нету. Ишь вон, голышем бегать стали по улицам, здоровяки эдакие.

На финише *) я пробрался к самым судьям. Установленный здесь телефон то и дело звонил, а судья, стоящий все время у телефона, общал публике получаемые сведения, держа ее таким образом все время в курсе хода соревнования.

К Арбатским воротам первым прибежал бегун с Красной Пресни, за ним представитель ОППВ, **) а третьим — Красных Хамовников. Вторые два этапа порядок прихода команд сохранился тот же. Только на четвертом этапе на третье место выдвинулся новый клуб, о котором до сего времени ничего не было слышно — КИМ. На пятом этапе Красная Пресня уступила первое место ОППВ; на шестом КИМ догнал Пресню и на седьмом обошел ее, приблизившись к ОППВ. На восьмом этапе КИМ окончательно закрепил за собой первое место, далеко бросив своих конкурентов.

Десятый (последний) этап представитель КИМ'а совершенно свободно кончил первым, имея большой просвет между собою и Кр. Пресней

*) Финиш — место, где оканчивается бег.

**) ОППВ — Опытно-показательная площадка Всеобуча.

с ОППВ, оставшим на девятом этапе от Пресни и только на последних метрах на финише снова опередившим Пресню на полметра.

Публика бурно встретила победителя, наградив его долго несмолкавшими аплодисментами.

Увидав, как оканчивали бег эти здоровые ребята, я живо вспомнил свое раннее детство. Перед моими глазами, как живые, встали милые картины недалекого прошлого. До 13 лет я прожил в деревне. В те времена для меня ничего не было лучше, как вечером водить лошадь в стадо. Соберемся, бывало, мы ребята, да и айда в поле—в перегонки; сдадим лошадей пастуху и снова, но только уже бегом до деревни взапуски. Еще на лошадях меня обгоняли, а уж бегом—дудки, никому не поддавался! Верст десять мог без остановки бегать и не уставал. Думается и сейчас бы никому не уступил...

Так, вспоминая былое, мне страшно захотелось побежать самому, и я решил во что бы то ни стало попасть в клуб и сделаться также бегуном. Я никак не мог решиться заговорить с кем-либо из бегунов. Долго ходил то вокруг одного, то вокруг другого, набираясь смелости и решительности или просто удобного случая. Наконец, такой представился. Еще не все команды закончили бег, а публика все теснилась и теснилась около судей, принимавших бегунов, мешая последним спокойно оканчивать бег, заслоняя дорогу. Я долго и усердно помогал судьям расчищать дорогу, за что и получил от одного из них благодарность.

Из разговоров с ним я выяснил, что он тренер *) команды, и решившей первой, и что он с удовольствием возьмется подготовить и меня. Сговорившись так, что по получении приза вся команда повезет приз в клуб, он предложил мне поехать вместе с ними и быть наготове, не упускать момента отъезда команды.

— Ждите у автомобиля, что под часами,—сказал он и удалился.

Сердце прыгало у меня от радости, готовое выскочить наружу, — я буду членом лучшего в Москве клуба бегунов, третий год подряд выигрывающего пробег по Бульварному кольцу.

Я не знал, что со мной творится, земля уходила у меня из-под ног, сердце учащенно билось. Я старался напрячь все внимание на то, чтобы не упустить из вида автомобиля грузовика. Что, если он неожиданно уедет, а я останусь, и тогда как-то неудобно будет сознаться перед тренером в том, что я проворонил автомобиль.

Ежесекундно оборачиваясь по направлению автомобиля, я пошел к тому месту, где предстояла выдача приза победителям.

Огласив результаты соревнования, один из судей, поздравив команду с выигрывшем призом, передал его тренеру клуба, а тот, в свою очередь, вручил его команде. После этого, разместившись все в грузовике, мы отправились за Тверскую заставу, в клуб.

Ребята были довольны победой

---

*) Тренер—старший товарищ, руководящий подготовкой спортсменов к выступлению в соревнованиях.

и всю дорогу пели песни. Я же от счастья пришел в неописуемый восторг и дал себе слово в будущем году попасть в команду клуба, чтобы бежать в эстафете по бульварам.

Все лето под непосредственным наблюдением тренера клуба я провел в усиленной подготовке своего организма, сильно окреп физически и вырос. Меня часто осматривали доктора, следившие специально за тем, чтобы я не переутомился и, кроме того, за тем—улучшается ли мое здоровье, или же нет? и все данные говорили за то, что я здоровее не по дням, а по часам. За лето я прибавил в росте два сантиметра, в весе 10 фунтов; грудь моя увеличилась в объеме на восемь сантиметров, а легкие, которые до лета имели признаки небольшого поражения *), совершенно к осени вылечились и также возросли в объеме.

Всем этим я обязан нашему тренеру, который с необычайной энергией и особенной внимательностью следил за нами, не позволяя нам никаких излишеств ни в чем. Всякие наши проступки он непременно узнавал и потом при всех строго выговаривал виновным, обещая при повторном случае освободить от своего внимания. И ребята, надо отдать им должную справедливость, слушались его во всем и любили его.

Бегал я хотя и быстро, но очень неправильно, а исправления неточностей в беге сулили мне в дальнейшем хорошие успехи. Много пришлось поработать и мне, и тренеру, чтобы колени мои и ступни ног

*) Небольшое поражение легких—зачатки туберкулеза.

при выносе вперед шли не в стороны, а во внутрь; чтобы ступни ставились не по двум линиям, а по одной, что значительно увеличивало размер шага и от этого увеличивалась быстрота бега. Кроме этого, колени я поднимал низко, а их надо было поднимать так, чтобы задняя часть бедра в этот момент оказывалась бы совершенно в горизонтальном положении. Также большим недостатком у меня считали запрокидывание головы и корпуса назад, руки шли не параллельно одна другой, т. е. ни взад-вперед, а во внутрь и в стороны. Кто так бегал, про того ребята говорили, что он бегает „самоваром“. Все эти недостатки мне, к удовлетворению тренера и моему, удалось исправить довольно быстро и к осени завершить большую часть своего технического совершенствования.

Моя общая физическая подготовка и других, вместе со мной занимавшихся ребят, заключалась не только в беге, но и в других видах легкой атлетики—в прыжках и в метаниях, а также и в спортивных играх—в баскетбол и ручной мяч.

Наш тренер всегда говорил нам, что если кто-либо хочет достичь хороших результатов в каком-нибудь одном виде легкой атлетики, тот непременно должен заниматься и многими другими видами, чтобы достичь общего физического развития всех своих мышц.

И, действительно, я на практике уже успел убедиться в том, что все легко-атлеты *), с успехом подви-

*) Легко-атлеты—спортсмены, занимающиеся легкой атлетикой.

зающиеся в каком-либо виде легкой атлетики, имеют успех и в других видах. Так, например, если вы стали лучше бегать на короткие дистанции *), вы непременно улучшите свои результаты и в прыжках в длину с разбега.

Наши занятия происходили четыре раза в неделю, при чем, главным образом, были бег, прыжки и метания, а играми занимались в дни, когда менее всего утомлялись.

Больше всего мне понравилось метание диска **), который я долгое время не мог выпускать с указательного пальца, и он все вылетал у меня из-под мизинца.

Приблизительно на пятый урок я усвоил как скатывать диск с указательного пальца, при чем кисть в это время должна прикрывать диск сверху. Большой палец играет здесь роль руля и сообщает диску правильное положение, которое заключается в том, что диск, благодаря сильному вращению, сделанному указательным пальцем в момент отделения его от пальцев, разрезая воздух, не катится, а летит по воздуху.

Цель метания диска и вообще всех метаний в легкой атлетике, — как можно дальше запустить снаряд.

Особенно красиво диск метал наш тренер, запуская его метров на 38—40, при чем диск в воздухе, как бы замирал и не колебался ни на

один миллиметр. У начинающих же он кувыркался, как огурец, и летел не далее 15 метров.

Техника метания диска у тренера была такова: он становился в кругу *) у задней его черты и, предварительно размахивая руку с диском вверх и вниз, вверх и вниз, относил руку назад и затем, быстро-быстро оборачиваясь вокруг себя один раз, как в вальсе, сильно выносил руку вперед и резким сгибанием ее в локте назад выпускал диск из руки. Диск вылетал со свистом, и, со свистом же разрезая воздух, улетал далеко-далеко. Никто не мог сравниться с ним в искусстве метать диск.

Недурно у меня выходили прыжки в высоту с разбега. Через три месяца после начала занятий я уже брал высоту в 140 сантиметров, но высота эта, по сравнению с той, какую преодолевали многие ребята, была ничтожной. Многие из них достигали высоты, равной их росту, приблизительно 165—170 сантиметров, а некоторые умудрялись прыгать и выше.

Прыгал я стилем Хоррейна. Положение тела при этом стиле такое, что напоминает фигуру человека, поднимающегося при помощи одной руки и ноги на высокую платформу. Стиль этот был придуман американцем Хоррейном случайно. Будучи сыном фермера, Хоррейн часто выносил молоко на вокзал к поезду. Взбираться ему

*) Короткие дистанции на расстояние 60, 100, 200 метров.

***) Диск — легко-атлетический снаряд для метания, весом в 5 фунтов, формой напоминает две вместе сложенные мелкие тарелки.

*) Диск метается из круга, диаметром в 2,5 метра. В целях воспитания искусства управлять своим телом, броски, при которых метатель выскакивает из круга, не засчитываются.

приходилось без помощи лестницы вышеуказанным способом, что и натолкнуло его впоследствии, когда он стал учиться в университете и там заниматься легкой атлетикой, на возможность использования такого положения при прыжке в высоту. Предположения его оказались настолько правдоподобными, что впоследствии он вышел победителем в прыжках в высоту, и долгое время никто в мире не мог прыгать так высоко, как Хоррейн. У него нашлись не менее талантливые последователи и теперь мировой рекорд, т.е. лучший в мире результат, достигнутый этим стилем, равен 2 метрам, 3 сантиметрам и 8 миллиметрам.

Кроме диска, прыжков в высоту с разбега и бега на средние дистанции *), мы проходили еще и бег на короткие дистанции для выработки быстроты, затем толкание ядра**), прыжки в длину с разбега и прыжки в длину с места.

Этим набором легко-атлетических видов нас подготавливали к выступлению в соревнованиях, чтобы в них уже проверить результаты своих занятий, и никто без разрешения тренера не мог расширить программу наших занятий. Он прилеживался в своей работе следующего принципа: пока не выучишь основательно одного, не берись за другое.

★

Осенью, когда легко-атлетический сезон подходил к концу, все члены клуба готовились к последнему су-

*) На расстояние 800, 1000, 1500 метров.

**) Ядро — чугунный шар, весом $17\frac{3}{4}$ фунта.

ревнованию — к призыву закрытия, заключающемуся в эстафетном беге 10×1000, т.е. клуб выставял команду в 10 человек, которые по очереди бежали по 1000 метров.

Подготовка к этой эстафете велась так: кто из бегунов не имел выдержки, те бегали 2, 3, 4, 5 и более километров; те же, кто имел выдержку, больше налегали на короткие дистанции, прибегая такой тренировкой быстроту. Сочетание выдержки и быстроты как раз и предполагает самые необходимые для хорошего бегуна качества.

Я тренировал быстроту, так как ее у меня было маловато.

★

Наступил день прикидки — выяснения кандидатов в команды. Каждый из записавшихся должен был один пройти 1000 метров на время, которое определялось при помощи секундомера *). Я также был в числе претендентов. Довольно основательно тренируясь, я, по вычислениям моего тренера, а затем и по времени, показанному мною на тренировке, мог рассчитывать попасть в первую команду. Будучи вполне уверен в последнем, я позволил себе провести последнюю неделю перед прикидкой не так, как следовало — курил, поздно ложился спать, и результаты этого не замедлили сказаться.

Взяв сильный старт, я прошел первый круг (300 метров) в 50 секунд, что при удержании этого

*) Секундомер — часы, показывающие время с точностью до одной десятой секунды.

темпа *) могло дать общее время на 1000 метров 2 мин. 50 сек. — 2 мин. 55 сек; на втором кругу я так задохнулся, к тому же ноги отказывались повиноваться мне, что я твердо решил сойти, но подбадривающие крики ребята возымели свое действие, и я продолжал бег, но как! — дыхание перехватило, горло пересохло, в висках стучало, ноги не поднимались, руки опустились и ничуть не помогали движению. Кое-как я доплелся до финиша. Усталость убила во мне всякое любопытство, и я нисколько не интересовался своим результатом.

— Что случилось с тобой? Почему ты так побледнел и сдох **) на втором кругу? — спросил меня тренер, подойдя ко мне после того, как я пришел в себя.

Я сознался ему в своем заслуживающем самого строгого порицания поведении и дал ему слово никогда больше этого ни делать.

— Твое время 3 м. 14 с., — сказал он мне, — с ним тебе и во второй команде нечего делать. Там худшее — 3:09. Будешь слушаться меня во всем — весной обязательно победишь в бульварной эстафете.

Подбодренный его заверением, я успокоился и не стал больше думать о своем неудачном выступлении на прикидке. Грезы мои

---

*) Темп — это скорость прохождения дистанции.

**) Спортсмены очень любят сильно выражать свои чувства и мысли. В слова, которые в обыденной жизни выражают что-то ужасное, вкладывается совершенно другое содержание. Так и здесь под словом „сдох“ нужно понимать „устал“; далее — под словом „резня“ — „борьба“.

уносились далеко вперед. Я чувал весну, а с нею и мои успехи.

✱

Зиму я провел, катаясь на лыжах, в точности выполняя данную мне тренером программу тренировки. Не допускал никаких излишеств, спать ложился и просыпался вовремя, тратил на сон 8 часов, ел и пил не более и не менее того, что следует, и делал на лыжах прогулки от 5 до 25 километров, совершая их раза два — три в неделю.

Все это, как видно, шло мне на пользу. Силы у меня прибавлялось, здоровья тоже, и я с нетерпением ждал весны.

★

Первые лучи весеннего солнца еще больше влили в меня энергии и желания испытывать свои силы.

Еще задолго до наступления весны во всех кружках и клубах ребята начали подсчитывать шансы своих кружков на выигрыш эстафеты, делая различные расчеты и предположения относительно состава команды и возможных достижений отдельных ее членов. Будучи свидетелями моих успехов в лыжном спорте, ребята среди кандидатов в команду частенько упоминали и мое имя, тем самым еще более подливая масла в огонь и увеличивая во мне желание дальнейшей тренировки, чтобы оправдать их предположения.

И верно, когда снег стаял и начали бегать кроссы *), я почти ни от кого не отставал.

---

*) Кросс-коунтри — бег по пересеченной местности, т. е. по дорогам, лесам, оврагам, полям и т. п. природным усло-

Устроенная позднее прикидка для выбора команды дала очень хороший для меня результат. Я показал одинаковое с десятым бегуном клуба время, но так как этот десятый был старый и опытный бегун, решено было в команду включить его; меня же, как первого запасного, поставить поддужным *) на самый ответственный, последний, этап, т.е. бежать от Трубной площади к Страстной.

★

День, когда должна была состояться эстафета по бульварному кольцу, был очень теплый, радостный и собрал много публики посмотреть на это интереснейшее соревнование летнего сезона.

Благодаря рано наступившей весне, везде в клубах смогли хорошо подготовиться к соревнованию, и последнее обещало быть и для нас самих интересным, как никогда. Наш клуб, выигрывавший эту эстафету три года подряд, на этот раз мог проиграть ее, так как один из наших главных бегунов, не воздержавшись накануне, поел мороженого и, застудив горло, не мог бежать и был заменен другим. Меня же не хотели переводить с моего этапа, так как я основательно изучил его, чтобы в случае надобности, как следует помочь своему основному товарищу.

Старт, как всегда, дали во-время.

виям. Кроссы бегают обычно для выработки дыхания и подготовки мышц к работе.

*) Поддужный—это помощник основного бегуна, ставится на всякий случай, если что-либо может случиться с основным в дороге.

Начало не предвещало для нас ничего хорошего. На первом этапе, где шел запасный бегун, наш клуб остался на шестом месте, отстав от первого на 31 секунду. Разница на таком расстоянии очень большая.

Со второго этапа вести пришли еще более мрачные—с шестого места нас отодвинули на седьмое. С третьего этапа протелефонировали неожиданный результат—КИМ вышел на третье место позади клубов ОППВ и Сахарников, при чем мы были сзади на 21 секунду. Но такое положение быстро изменилось—на четвертом КИМ снова отвалился на пятое место, пропустив вперед себя Красную Пресню и МСФК. Контроль пятого этапа сообщил следующее:

„Ожесточенная борьба за третье место идет между Пресней, МСФК и КИМом, при чем представитель последнего выглядит свежее своих противников. ОППВ и Сахарники идут рядом впереди на 15 секунд“.

Это сообщение было несколько лучше и вливало надежды на благоприятный для нас исход борьбы. Дальше у нас ребятки стоят покрепче и могут справиться со своими противниками удачнее, чем было до этого.

С шестого этапа сообщили, что пять команд идут почти голова в голову и трудно сказать, кто именно на каком месте.

На седьмом этапе КИМ впервые занимает голову гонки *), но тут же вслед за ним в двух шагах идут ОППВ и Пресня.

---

*) Занять голову гонки—значит выйти вперед.

Восьмой этап приносит победу Пресне, КИМ и ОППВ режутся за второе место.

На девятый этап КИМ приходит на 5 метров впереди Пресни, ОППВ отстает от последней на 5 секунд.

Десятый этап начинаем так: впереди КИМ, в 10 метрах Пресня, и приблизительно на 3 метра за ней ОППВ, подпираемое Сахарниками.

На этом этапе у всех команд мобилизованы главные силы, которые без отчаянной резни не уступят сантиметра.

Товарищ Федя берет эстафету и мы с ним с изумительной резвостью снимаемся с места. Я не отстаю от него ни на шаг, готовый в случае нужды каждое мгновение заменить его, или же каким-либо искусным маневром притти ему на помощь в борьбе с сильнейшими конкурентами.

Поднявшись в гору на Петровском бульваре, я слышу, как Федя просит меня взять эстафету и бежать с ней, не сдаваясь. У него заболел живот от сырой воды, которую он выпил перед стартом.

На секунду я растерялся, но провожаемый ласковым и вместе с тем каким-то внушающим мне сознание закончить бег первым взором Феде, я усилил ход. Оставались Нарышкинский и Страстной бульвар, и цель окончена.

Сначала я видел массы расступившихся по обе стороны зрителей, слышал крики и среди них возгласы: „Митя, не подкачай!“, потом я перестал различать отдельные звуки и слышал только общий гул толпы да тяжелое дыхание догонявшего меня бегуна.

Затем я перестал слышать и гул, и только цоканье по камням бульвара стальных шипов сзади меня бежавшего бегуна врезывалось в мои уши. Я чувствовал за собой его жаркое дыхание, и мне казалось, что он дышит на меня огнем, который расплавляет меня. Ноги мои тяжелеют, я едва отрываю их от земли, словно на них надеты пудовые башмаки... А он все приближается ко мне, все ближе и ближе... и вот уже рядом...

Вбегаем на Страстной бульвар... Я делаю последнее напряжение и долго, долго мы бежим с ним вместе, как сросшиеся близнецы... Одно невероятное усилие с его стороны и выдвигается вперед на грудь... но я... я сдаваться не хочу... не намерен. Из последних сил делаю несколько толчков ногами и снова выравниваюсь... опять вместе. Вдруг кто-то вышел вперед с правой от меня стороны... Сердце екнуло... Новый... Не уступлю... Делаю сильные взмахи руками. Противник на лево остается позади, а тот, что справа, хватает меня за руку... Перед глазами ленточка... Значит, финиш... Сгибаю туловище вперед и вниз, и оба одновременно касаемся ленточки... Бег окончен... Но кто же впереди? Смотрю направо—радостный Федя жмет мне руку и поздравляет с победой. Тут же подсакивают и все остальные наши ребята и также разделяют с нами радость.

— Ты победил, — говорит мне Федя.

Ребята подхватывают нас на руки, и мы долго взвиваемся на воздух, подбрасываемые вверх.

ЮНЫЕ НАТУРАЛИСТЫ

По всему СССР раскинулась целая сеть кружков юных натуралистов. В школах, при краеведческих обществах, в рабочих клубах, при ячейках, в пионерских отрядах и т. д.—школьники, пионеры, комсомольцы и просто ребята объединяются в кружки юных натуралистов. В кружках они наблюдают и изучают природу, ведут научную работу.

У нас в СССР природа дает нам массу всяких богатств. Все вещи, которыми мы пользуемся—от книги до сапожного гвоздя—сделаны из того, что человек взял от природы. Но берем мы от природы далеко не все. Многие природных богатств мы вовсе не знаем; другие богатства используем только частично, и то нередко используем весьма плохо. Наша земля дает плохой урожай. Наши леса мы беспорядочно, безжалостно вырубам, а новых на их место не сажаем. Недавно в Курской губ. открыли большие залежи железняка (магнитная аномалия), а долгое время люди там жили и ничего о нем не знали. Необходимо так использовать природу, чтобы ничего не пропадало зря, без пользы для человека.

Что же нужно для этого сделать?

Нужно много работать, чтобы изучить все природные богатства, научиться правильно их использовать. Работать должны не отдельные лица, узкие специалисты только в своей области, а одновременно большое количество людей, и работать со-

обща, организованным коллективом.

Вот такую работу и ведут кружки юных натуралистов.

Как же кружки могут проводить настоящую научную работу?

Возьмем для примера вопрос о вреде какой-либо хищной птицы. Прежде всего юные натуралисты собирают очень много наблюдений.

Затем из этих наблюдений делают общий вывод, точное научное обобщение о вреде этой птицы и переходят к вопросу о мерах борьбы с ней. Чем больше опыта в такой работе у натуралиста, тем точнее и правильной сделает он наблюдения, тем вернее будут его выводы. Часто в своей работе юные натуралисты применяют различные опыты.

Продельвая вначале небольшую, несложную научную работу, юные натуралисты постепенно привыкают совершенно самостоятельно разбираться в окружающем, самостоятельно наблюдать, ставить опыты и самостоятельно делать научные выводы. Эти способности каждому из них очень пригодятся в дальнейшей жизни во всякой работе. Такой способ работы называется исследовательским методом.

Этим методом юные натуралисты проводят работу по борьбе с малярией.

Малярия—одна из самых распространенных и изнуряющих человека болезней. В СССР—это настоящее бедствие для всего населения. Распространяет малярию особый маля-

рийный комар. Юные натуралисты изучают этого комара; отыскивают способы борьбы с ним.

В то же время они организуют широкие общественные кампании по борьбе с малярией, помогая работе органов здравоохранения.

Первые кружки юных натуралистов („юннатов“) по СССР возникли еще в 1918—19 г. В 1918 г. организовалась биостанция юных натуралистов им. К. А. Тимирязева и кружок юных натуралистов при ней. В 1920—21—22 гг. продолжается возникновение и рост юннатских кружков. В 1923 г.—рост кружков становится массовым. В 1924 г. стали возникать объединения юных натуралистов. До 1924 г. кружки юных натуралистов работали неорганизованно, без общего плана работы и (не было постоянного) единого руководства всей текущей работой кружков.

Нужно было установить обща цели и задачи работы, единую ор-

ганизацию юных натуралистов и тесно связать натуралистическое движение с обще-юношеским движением в СССР. Летом 1924 года был созван 1-ый Всесоюзный съезд юных натуралистов. На съезде была выработана общественно-политическая линия натурализма—его неразрывная связь с комсомолом. Были установлены основные цели и задачи юннатской работы. Было создано центральное бюро юных натуралистов. Юннаты ведут работу под руководством РЛКСМ, стоящего во главе пролетарского юношеского движения.

Кружки юных натуралистов каждой своей работой должны отвечать на прямые, насущные практические запросы жизни, а не заниматься отвлеченными далекими от жизни научными теориями в кабинетах и лабораториях. При таких условиях юные натуралисты делают большое дело в общем строительстве коммунистического общества.

НОМАД

ПОБЕДА ТРУДА НАД ПРИРОДОЙ

ИЗМЕРЕНИЕ ГЛУБИНЫ МОРЯ ПРИ ПОМОЩИ ЭХО

Иностранные научные журналы сообщают, что в настоящее время за границей вводится довольно любопытный способ измерения глубины моря, основанный на том же явлении, которое объясняет эхо, т.е. на отражении звука. Как известно, если отойти на некоторое расстояние от большого здания или леса, проговорить громко какую-

либо фразу, то мы через несколько мгновений услышим ее как бы повторяемую вдали каким-нибудь другим человеком. На самом же деле причиной этого повторения будет возвращение звуковых волн, отраженных от здания, леса, скалы и т. п.

Американскому физику Гэю пришлось в голову использовать эхо для измерения глубин моря, т. к. обычный способ измерения—при помощи лота, требует много вре-

мени и на больших глубинах надежен.

Гэй построил специальный прибор, который работает следующим

в несколько секунд глубина моря. Измерения показали, что дно океана имеет такие же долины и горы, какие мы наблюдаем на суше.

Дно Атлантического океана

образом: на корме на известной глубине производится звук, а на носу парохода при помощи чувствительных инструментов отраженный со дна моря звук воспринимается.

Известно, что средняя скорость звука в воде — 1440 метров в секунду. Если мы измерим в секундах промежуток времени между моментом произведения звука и получением его обратно после отражения, затем разделим это число пополам и умножим на 1440 метров, мы получим глубину моря в метрах. Ясно, что измерение этого промежутка времени должно быть очень точно. Ошибка $\frac{1}{5}$ секунды влечет за собой уже неточность в определении глубины в 300 метров.

Вот почему в приборе Гэя время отмечает электрический счетчик; точно также автоматически отмечается возвращение звука.

Пользуясь таким прибором, американский эскадренный миноносец „Стюарт“ пересек Атлантический океан от Нью-Йорка (Америка) до Гибралтара (Испания). Путем одного нажатия кнопки определялась

„ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЛОЦМАН“

Морским судам, пока они плывут по широкому простору океана, не грозит опасность наткнуться на подводные камни или сесть на мель. Но дело меняется, по мере приближения к берегу. Здесь надо очень хорошо знать морское дно, чтобы благополучно ввести корабль в гавань. Поэтому обыкновенно в гаванях, имеющих узкий и опасный вход, имеются опытные лоцманы, которые и вводят все приходящие суда.

Но даже лоцман, прекрасно изучивший все мели, подводные камни и т. п. оказывается совершенно беспомощным, когда опустится туман. Тогда судам приходится подолгу простаивать в море, ожидая прояснения погоды.

Недавно было изобретено одно чрезвычайно простое и остроумное приспособление, которое избавляет моряков от всех этих неудобств. Заключается оно в следующем.

На дно, (вблизи гавани), по которому должны плыть суда, укладывается кабель. Со станции, стоящей на берегу, по нему все время идет

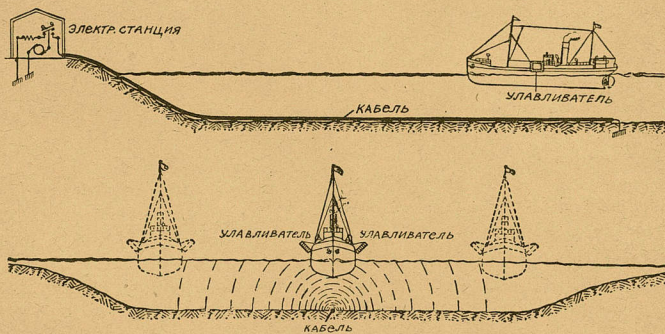
переменный ток. От кабеля во все стороны исходят электрические волны. Суда, входящие в гавань, имеют по бортам по одному улавливателю этих электрических волн. От них в катушках улавливателя возбуждается ток и идет по проводам к аппарату, находящемуся у рулевого. В то время, когда судно движется как раз над кабелем, к аппарату по обоим проводам идет одинаковой силы ток, но стоит только судну отклониться, скажем, в правую сторону, как левый улавливатель начнет тотчас же получать тока больше. Если судно отклонится влево, то больше тока станет получать правый улавливатель. Это хорошо видно на нашем чертеже.

Находящийся у рулевого аппарат имеет разделенный пополам вертикальной чертой циферблат с двумя взаимно-пересекающимися стрелками (стрелки лежат внизу

оно отклонится в левую сторону, то стрелка, соединенная проводом с правым улавливателем, начнет подниматься вверх. Следя за положением стрелок, рулевой видит, как идет его судно.

Кроме циферблата со стрелками, аппарат имеет еще более простой указатель. Он представляет из себя длинное окошечко, посредине которого имеется вертикальная стрелочка, а по бокам от нее два слова „направо“ и „налево“. Назначение этой стрелки—прямо указывать рулевому куда следует повернуть, чтобы оказаться как раз над кабелем.

„Электрическим лоцманом“ начинают пользоваться во всех частях света, ибо оборудование подающей по кабелю ток станции и установка на судах необходимых приборов обходится во много раз дешевле, чем простаивание в море во время

Работа электрического лоцмана

циферблата). Положение, в котором находятся стрелки на нашем рисунке, бывает только тогда, когда судно идет как раз над кабелем. Если

туманной погоды, оплата лоцмана и т. п. Нужно надеяться, что электрическим лоцманом скоро начнут пользоваться и во всех гаванях СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Барто А. Стихотворение. Заставка В. Голицына	3
Григорьев Сергей. Опасная кругосветка. Рассказ. Иллюстрации П. Алякрина	4
Васильев и Теплухин. Москва—Экватор—Москва	14
Ту-Хобо. Приключения в Японии	32
Бабаев Н. По Волге на гидросамолете	51
Через Атлантический океан на попелине	57
Федяевская В. Новые раскопки Козлова	61
С. Г. Кругом на прямую	68
Семашко Н. Физкультура и молодежь	71
Ратов П. Как я сделался легкоатлетом	74
Гребеншиков В. Юные натуралисты	86
Номад. Победа труда над природой	87

ЧИТАЙТЕ:

Ауслендер, С. Черный вождь. Повесть с рис. П. Алякринского. Стр. 148. Ц. 75 к.
В нашей литературе почти нет произведений, рисующих ту зверскую эксплуатацию цветнокожих, которая носит название „колоннальной политики“ англичан, французов, бельгийцев и др. Повесть С. Ауслендера восполняет этот пробел. На фоне такой эксплуатации развешивается жизнь негритянского мальчика, полная тяжелых испытаний и героических приключений, выковывающих из него вождя негритянских племен в их борьбе с порабощителями. Идея интернационального братства трудящихся, намечаемая со середины повести (встреча с французом-коммунистом), разворачивается в эпилоге в картину конгресса Коминтерна с участием героя повести. Написанная прекрасным языком, вся в действии, на ярких, живых сценах, хорошо иллюстрированная,—повесть несомненно станет любимой детской книгой.

Ауслендер, С. Правь на север! Пьеса в 3-х действиях. Рис. худ. Н. Тезейкина. Муз. Б. Мошкова. Москва, 1925. Стр. 46.

Чрезвычайно мало пьес для детей вообще, а особенно таких, которые могли бы исполняться самими детьми и притом были бы на высоте современных художественных и педагогических требований. Пьеса С. Ауслендера одна из таких немногих. Это—очень удачная инсценировка рассказа того же автора „Случай на море“: пароход с его пассажирами I кл. и свирепым пьяницей-капитаном, забитая и подавленная команда русских матросов, проданных белым вместе с судном, бойкий пионер Петька, взбудораживающий команду и организующий удачное восстание на судне,—все это очень живо и действительно дано в пьесе. Ряд песенок (ноты приложены к пьесе) музыкальны и легко исполнимы детьми. Пьеса, конечно, войдет в репертуар школ и детских домов I и II ступени, а также пионерских и комсомольских кл. бов.

Бабаев, Н. Красные орлы. Рассказ из жизни военных летчиков. С рис. художника В. Васильева. М. 1924. Стр. 27. Ц. 20 к.

Автор, сам военлет, хорошо знает жизнь в воздухе. Его хорошо написанный рассказ, рисующий боевые похождения двух друзей-авиаторов в период войны с Польшей, их смелые налеты, ловкий побег из плена на неприятельском аэроплане,—прочтется залпом любым юным читателем.

Григорьев, Сергей. Белый враг. С рис. А. Баранского. М.—Л. 1925. Стр. 88. Ц. 40 к.

Автор приобрел уже себе известность несколькими своими книжками, как „Паровоз Э-т“, „Красный бакен“ и др., отличающимися художественной формой и интересным, близким современности, содержанием. „Белый враг“—хорошо написанные эпизоды из жизни ребят, участников отряда по восстановлению разрушенных в гражданской войне телефонных и телеграфных линий. Этот „враг“—снег, мороз, гололедица, которые обрезают порой работников таких отрядов на гибель. Чуждая сентиментальности, книжка проникнута хорошим любовным отношением к людям, особенно к детям.

Григорьев, Сергей. Красный бакен. Рис. А. Баранского. Изд. 3-е. М. 1925. Печ.

Голодающий Максимка попадает машинным мальчиком на волжский военный пароход. Спасает пароход от взрыва котлов, подготовленного предателем-механиком.

Бодрое настроение, нет жестокости, нет и сенсации. Автор умает дать революционный быт, как фон детской жизни.

Григорьев, Сергей. Сигналы великанов. Рассказы. Рис. П. Алякринского.

В сборник входят рассказы: „Сигналы великанов“ (о ребятах, устраивающих радиоприемник контрабандой), „Опасная кругосветка“ (из периода борьбы с белыми в Самаре), „Тонкий танк“ (о мальчике-озорнике и изобретателе, в период гражданской войны), „Илья Топчан“ (мальчик и аэростат), „Мертвый Культук“ (о ребятах, группирующихся вокруг библиотеки), „Рукастая машина“ (типографский мальчик и наборная машина).

Все рассказы написаны с обычным для С. Григорьева мастерством, полны действия, попутно дают интересные сведения из разных областей производства. Несомненно, заинтересуют детей.

Дети Запада. Сборник рассказов. Рис. Б. Покровского.

Наши дети мало знают о жизни детей в других странах в настоящее время, а ведь эта жизнь так непохожа на привычную. Сборник „Дети Запада“ дает рассказы из послевоенной жизни детей немецких, французских, венгерских, итальянских и др. Некоторые рассказы переведены из книг, изданных за границей, но большая часть написана для сборника.

Дудоров, П. Первый кабель-великан. Рис. А. Баранского. М.—П. 1923. Стр. 44. Ц. 20 к.

В беллетристической форме рассказана жизнь и достижения известного изобретателя телеграфного аппарата С. Морзе. Книжка читается легко и с интересом.

Дефо, Д. Жизнь и приключения Робинзона Крузо. В переработке для детей старшего возраста М. Толмачевой. Под ред. А. М. Калмыковой. М.—П. 1923. Стр. 164. Ц. 80 к.

Дефо, Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо. Сокращенное изд.

для детей среднего возраста. С иллюстр. Гранвиля. Перев. с англ. М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской. Под ред. К. Чуковского. П.—М. 1923. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Превосходно переведенная и умело сокращенная книга Дефо, любимое чтение детей всех стран в течение двух столетий, снабжена иллюстрациями знаменитого Гранвиля. Издана на хорошей плотной бумаге, шрифт четкий и красивый.

Дорохов, П. Белые волки. Повесть. М. 1924. Стр. 157. Ц. 60 к.

Эпизоды из гражданской войны в Сибири. В повести много движения. Читается с живым интересом детьми старшего возраста. („Вестн. Просвещ.“, 1924, № 10).

За полярным кругом. Сборник рассказов.

В сборник входят несколько старых рассказов знатока Новой Земли К. Носилова, рассказ Сергея Григорьева „Радио на Маре-Сале“, Н. Смирнова „Олень неразбираха“ и ряд других новых вещей, рисующих наш крайний Север в его прошлой и нынешней жизни. **Зайицкий, С.** Стрелок Телль. Пьеса в 3-х д. Рис. В. Ковальцига. М.—Л. 1925. Стр. 44. Ц. 50 коп.

Пьеса построена совсем иначе, чем „Вильгельм Телль“ Шиллера. Большое место отведено детям — сыну Телля Вальтеру и племяннице Гесслера Гертруде. Революционность настроения, прекрасный язык, звучные стихи песен, простота и четкость действия делают пьесу вполне пригодной для постановок в клубах и школах. Хороши иллюстрации.

Каринцев, Н. По первым рельсам. С рис. Стр. 160. Печ.

Несколько переработанное 2-е издание „Жизни Стефенсона“ того же автора. В форме рассказа дана биография изобретателя паровоза и очерк его деятельности.

Каринцев, Н. Эдисон. С рис. Стр. 160. Печ.

Интересно и живо написанная в форме рассказа биография знаменитого изобретателя в соединении с популярным изложением сущности его изобретений представляет собою полезное и занимательное чтение для детей и подростков. Первое издание („История одной жизни“) имело успех.

Кароти, А. Наследство капитана Немо. Перев. М. А. Гершензона. Рис. В. Голицына. Стр. 200. Ц. 80 к.

Приключения нескольких буров, итальянцев и французов, попавших в подземные пещеры, в царство радия, где они встречают хранителя наследства жюль-верновского капитана Немо.

В книге, помимо интереснейших приключений, много ценных сведений по истории мироздания, смены геологических эпох, эволюции видов животных.

Каринцев, Н. Герой прерий. Повесть для юношества.

Обложка А. Баранского. Рисунки К. Фридберга. М.—П. 1923. Стр. 134. Ц. 1 р. 25 к.

Киплинг, Р. Отважные моряки. Перев. с англ. Я. О. Артелева. Н.—П. 1923. Стр. 213. (Распродано). Ц. 60 к.

Каринцев, Н. В неведомую даль. Рис. П. Алякринского. Изд. 2-е. М.—П. 1924. Стр. 161. Ц. 1 р. 20 к.

Путешествия Колумба и Магеллана передаются в форме живого беллетристического рассказа. Дети получают ряд ценных географических и этнографических сведений.

Каринцев, Н. К южному полюсу. Путешествия Скотта, Шекльтона, Амундсена и др. великих исследователей. С портретами и рисунками. М. 1925. Стр. 200. Ц. 70 к

Путешествия — излюбленное чтение подростков. Книга Каринцева не разочарует их: тут и приключенческий элемент, обогащенный жаждой знания, и героизм, и настойчивая борьба со всеми препятствиями для достижения раз поставленной цели, и много научных сведений, даваемых в интересной форме.

Каринцев, Н. По звериным тропам. Рис. П. Соболева. Печ.

Повесть из жизни американских пионеров-поселенцев в девственных лесах Америки. Колонизация дана под углом зрения классовой борьбы, хорошо выявлено вероломство капиталистов, пользующихся несознательностью угнетенных слоев — индейцев и пионеров. Упорство в достижении поставленной цели, находчивость Даниеля Буна, вожака пионеров, найдут живой отклик в читателе.

Миккельсен. Ео льдах Гренландии. С иллюстр. М.—Л. 1925. Стр. 156. Ц. 60 к.

Автор, капитан Миккельсен, совершил трудное и полное опасностей путешествие в Гренландию. Настоящая книжка и есть рассказ об этом путешествии, — рассказ увлекательный, богатый захватывающими драматическими моментами. Помимо того, что книжка необычайно интересна для детей, воспитательное значение ее очень велико: она рисует бесстрашие и мужество, непоколебимую твердость и упорство в достижении намеченной цели.

Низовой, П. В. Горах Алтая. Повесть. Рис. Н. Котова. Печ.

Прекрасно знающий Сибирь, переживший сам борьбу с колчаковщиной, автор дает в своей повести ряд захватывающих приключений двух мальчиков: горожанина, партизана Сашки, и его друга, бурята Перки. Действие разворачивается на фоне величественной природы Алтая, прекрасные картины которой усиливают художественную ценность книги.

Новиков-Прибой, А. Во власти моря. Сборник рассказов. С рис. А. Бершадского. М. 1925. Стр. 164. Ц. 75 к.

Автор любит и знает жизнь моряков, ему удается дать всю ее романтику, все богатство переживаний моряка, и светлых и мрачных, но всегда полных драматизма. Все рассказы написаны хорошим языком, очень динамичны.

Новиков-Прибой, А Пленники бездны. Повесть. Рис. В. Голицына. М.—Л. 1925. Стр. 124. Ц. 65 к.

Жизнь моряков на подводной лодке, отношение двух миров — начальства и команды, назревание революционного настроения, ряд захватывающих приключений. У читателя напряженный интерес не прерывается ни на минуту. Первоначально изданная не для детей, повесть пользовалась огромной популярностью среди читателей детских библиотек в возрасте от 12 — 15 л. т.

Сетон-Томпсон, Э. Бинго. История одной собаки и др. рассказы. Пер. Э. Пименовой. М.—П. 1923. Стр. 223. Ц. 75 к.

Сетон-Томпсон, Э. История одной серебристой лисы. Пер. с англ. В. В. Буховецкого. С рис. автора. М.—П. 1923. Стр. 120. Ц. 60 к.

Живой и увлекательный рассказ, дающий детям много сведений о жизни и нравах лисец. Рассказ читается с не-

ослабевающим интересом, благодаря ярким и разнообразным картинам из жизни лисьего мира, художественно зарисованным.

(„Книга о книгах“, 1924, № 1 — 2).

Сетон-Томпсон, Э. Лобо и др. рассказ. Пер. Э. Пименовой. М.—П. 1923. Стр. 124. Ц. 20 к.

Сетон-Томпсон, Э. Маленькие дикари. Пер. с англ. Л. Б. Хавкиной. С рис. автора. М.—П. 1924. Стр. 484. Ц. 3 р.

Повесть о двух американских мальчиках, поселившихся в лесу. На собственном опыте они проходят все ступени технической культуры. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями.

Повесть Э. С. Томпсона написана просто и занимательно. Доступна детям среднего возраста. Путешествие проводится ряд наблюдений над природой, работой и людьми. Выразительные рисунки автора очень оживляют изложение.

Хлебников, П. Краснокожие. Из жизни северо-американских индейцев. Со многими рисунками. М. 1925. Стр. 117. Ц. 60 к.

Рассказ знакомит с бытом краснокожих, их семейной и общественной жизнью, их ритами, их играми, их спорами, их письмом, легендами и преданиями.

Серьезный и правдивый подход к теме; индейцы здесь не „страшные“ дикари, враги бледнолицых, охотящиеся за человеком и его скальпом, кровожадные и свирепые, а мирные и трудолюбивые жители земли, некогда принадлежавшей их расе, а теперь захваченной грубыми и жадными пришельцами.

Феляевская, В. Через преграды. Приключения ученого в стране Далай-Ламы. С фот. Обложка Н. Пискарева. М.—Л. 1925. Стр. 52. Ц. 30 к.

Английский ученый М. Мак-Говерн в 1923 г. совершил путешествие в Тибет. Чтобы проникнуть в столицу этой запретной для европейцев страны, он переоделся носильщиком-тибетцем, изменил цвет своей кожи и глаз и в сопровождении не скольких туземцев совершил крайне тяжелый переход через горы, полный всяких опасностей. В столице Тибета—Лхассе он едва не был расстрелян толпой местных жителей и лишь с трудом спасся. Книга В. Феляевской в серьезной, но доступной для детей форме рассказывает об этом интересном путешествии по дневникам самого Мак-Говерна. Подростки с большим интересом и с пользой прочтут эту книгу.

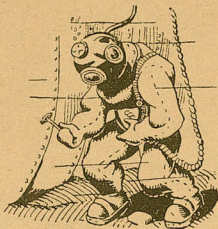
СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ
О ВЫХОДЕ ЖУРНАЛА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
„КРУГОСВЕТ“

В этом первом натуралистическом и краеведческом журнале: приключения, рассказы о путешествиях по разным странам, географические очерки, жизнь природы, жизнь и работа кружков юных натуралистов краеведов и биологов, коллекционирование, мелочи и т. п.

Все статьи и рассказы иллюстрируются фотографиями и рисунками.

Адрес редакции: МОСКВА, Рождественка, 4.

ГСССЗДАТ, Отдел детской и юношеской литературы, „КРУГОСВЕТ“.

ЦЕНА 1 рубль.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Моховая, 16, редакция журнала „КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

Тел. 3-30-50, доб. 39.

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Воздвиженка, 10.
== СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ. ==**

200 =

